ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 8 (2391) Среда, 28 января 1948 г. Цена 40 коп.

Дорогу новаторам!

В речи на приеме работников высшей школы товарищ Сталин говорил:

«Наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему». И далее товарищ Сталин указывал, что бывает и так, когда новые пути в науке и технике прокладывают не общеизвестные в науке люди, а «простые люди, практики, новаторы дела».

Передовые стахановцы нашей страны принадлежат к категории таких практиков, новаторов дела, которые благодаря настойчивости и энергии добиваются новых, более высоких темпов в работе, новых скоростей, а следовательно, убыстряют ход общего нашего движения вперед, к коммунизму.

Советские люди — беспокойные люди в лучшем значении этого слова. Они смело вступают в борьбу со старыми, отжившими традициями, они решительно, по-сталински, ломают эти традиции, зная, что во всенародной решимости работать творчески, работать по-новому — наша сила и крепость, залог наших успехов на трудовом фронте.

Александр Иванов и Николай Российский, Герасим Запорожец и Мария Волкова, Василий Матросов и Андрей Якушин своей деятельностью доказали, что тот, кто дерзает, тот всегда побеждает! Вот почему так много последователей нашлось у Российского и Якушина, вот почему опыт Запорожца и Волковой стал достоянием миллионов, вот почему с таким уважением произносят советские люди имена Иванова и Матросова.

И именно потому, что так ценится в нашем социалистическом государстве все новое, прогрессивное, передовое, именно поэтому всякое проявление косности, консерватизма, рутины в любой отрасли народного хозяйства вызывает законное негодование советских людей.

Недавно в нашей газете была опубликована статья, в которой говорилось о том, что ценные открытия советских инженеров-полиграфистов не находят применения в производстве. В прошлом номере «Литературной газеты» было напечатано письмо главного инженера рижского стекольного завода «Красная Даугава» тов. Чередниченко, озаглавленное «Новаторы победят консерваторов».

«Я не могу пожаловаться, что мой, например, опыт держится в секрете. О нем сказано и написано много». — отмечал, между прочим, в своем письме тов. Чередниченко.

Действительно, о рекордах рижских стекловаров было написано много статей и очерков. Но почему же рекорды рижан оставили равнодушными тех людей, которые по долгу службы должны, казалось бы, в первую очередь повести борьбу за внедрение нового опыта в производственные будни всех стекольных заводов?

Товарищ Сталин учит нас, что существо социалистического соревнования состоит в том, чтобы **догонять лучших и добиваться общего под'ема.** А между тем, в то время как рижане уже больше года работают со скоростью вытягивания стеклянной ленты 120—130 метров в час, в то время, как на многих других заводах благодаря энергии рабочих и инженеров эти скорости уже достигают 80 — 100 метров, Главстройстекло собиралось запланировать на нынешний год для стекольной промышленности скорость значительно меньшую. Позволено спросить: собирается ли главк построить работу заводов так, чтобы догонять лучших и добиваться общего под'ема?

Сегодня, в пору вдохновенной борьбы за выполнение и перевыполнение послевоенного пятилетнего плана, все наши люди — от министров до рядовых рабочих—должны быть вооружены ленинско-сталинской нетерпимостью к тем, кто своей ленью, неповоротливостью, консерватизмом об'ективно тормозит движение советского общества вперед.

Всякое сопротивление новому, прогрессивному противоречит коренным интересам социалистического государства. Тот, кто мешает внедрению нового, кто, ссылаясь на всякие об'ективные причины, препятствует освоению передового опыта новаторов производства,—тот совершает антипатриотический поступок, ибо советский патриотизм выражается не в декларациях, а в практической деятельности, в творчестве, в неуклонном движении вперед.

Шире открывать пути новаторам, поддерживать их, непреклонно внедрять новое, беспощадно бороться с рутинерами и консерваторами, — этого требуют миллионы советских людей, кровно заинтересованных в укреплении и росте советского государства.

Хорошее, полезное дело сделала бригада московских писателей, побывавшая недавно на Балахнинском бумажном комбинате. Писатели выяснили, что на комбинате уже в течение полутора лет применяется новый метод производства при варке целлюлозы. Эффективность нового метода, разработанного группой инженеров Балахнинского комбината, была подтверждена на практике. Но на других предприятиях страны о нем не знали даже понаслышке. По инициативе писателей вопрос о внедрении метода балахнинцев в производственную практику других предприятий поставлен в Министерстве целлюлозной и бумажной промышленности.

Новое рождается в поисках, в борьбе, новое служит делу строительства коммунизма. За это новое против старого, отживающего, против косности и консерватизма передовые советские люди на наших фабриках и заводах, на колхозных полях и в научных лабораториях ведут решительные бои.

Шире дорогу новаторам, борцам за прогресс науки и техники, за расцвет социалистической культуры!

Цена улыбки Веры Скарборо

Письмо в редакцию

Прочитав в «Литературной газете» от 21 января письмо группы московских металлургов под заглавием «Хвастовство нищих», мы решили посмотреть газету «Британский союзник». Взяв тот же номер, первый за этот год, где были напечатаны басни об английских «рекордах» в металлургии, мы нашли заметку под названием «Возвращение на завод».

Со страниц «Британского союзника» смотрит улыбающаяся работница, нагруженная... ровницей. Это нас немного удивило. На наших фабриках транспортировка ровницы производится на специальных тележках.

Дело, однако, не в этом. То, что мы прочли в «Британском союзнике», нас буквально потрясло. Мы знали, что английским рабочим живется тяжело, что все обещания лейбористов оказались только обманом. Но мы не думали, что английским рабочим живется **так тяжело!** «Британский союзник», видимо, и сам не подозревал, какую горькую правду он рассказал о жизни английских рабочих.

Впрочем, займемся фактами, о которых рассказывается на страницах «Британского союзника». Четыреста домашних хозяек, большей частью жен горняков из города Виган (Ланкашир), как рассказывает «Британский союзник», по вечерам, после домашних работ, отправляются на текстильные фабрики. Кампания за привлечение на производство домашних хозяек проводится под модным теперь в Англии лозунгом увеличения экспорта.

Однако «Британский союзник» почему-то не приводит ни одного примера, когда бы женщины из состоятельных слоев пошли работать на фабрику. В заметке речь идет только о женах горняков.

Нет, не ради высоких целей идут домашние хозяйки Англии на текстильные фабрики, а лишь для того, чтобы как-нибудь свести концы с концами. Только из-за этого они после целого дня домашних хлопот отправляются в длительное путешествие (восемь километров!) на фабрику. «Некоторым женщинам, — рассказывает «Британский союзник», — приходится проделывать свыше 8 километров от дома до предприятия, и все же прогулов почти не бывает».

Автор не раз'ясняет, почему не бывает прогулов: что это — «высокая сознательность» или же тяжелая нужда? Однако из дальнейшего становится более чем ясно, какие же мотивы заставляют домашних хозяек пять раз в неделю отдавать свои вечера фабрике, совершая такие большие переходы.

У двадцатитрехлетней Марион Могирл, матери девятимесячного ребенка, — рассказывает «Британский союзник», — очень продолжительный и загруженный рабочий день—начинается он без четверти пять утра. К этому времени она должна приготовить завтрак уходящему на рудник мужу.

«Вере Скарборо, семья которой состоит из двух малышей — четырех и полутора лет и мужа, работающего на шахте, приходится самой стирать, закупать все необходимое, вести хозяйство и выполнять всю домашнюю работу».

«Британский союзник» утверждает, что Вере Скарборо (это именно она изображена улыбающейся на одном из снимков) очень «нравится быть снова среди девушек», что «ей удается так распределить свое время, что мужу совершенно не приходится заниматься хозяйством». Правда, она рассчитывает, что к ее приходу с работы муж приготовит ей чашку горячего чая.

Кто же остается с детьми, пока Вера Скарборо и другие домашние хозяйки помогают «экспортной кампании»?

«Британский союзник» спокойно сообщает, что «их мужья, в большинстве горняки, бывают вынуждены иногда сами присматривать за детьми».

А вот Алин Ашкрофт вынуждена была предупредить мастера, что «она не придет на работу недели две, до тех пор, пока ее сестра снова не сможет присматривать за ее ребенком». И неожиданно оказывается, что вовсе не экспортный зуд волнует эту женщину, а самая простая нужда, забравшаяся в дома английских горняков и текстильщиков. «Я не хочу бросать работу, — сказала Алин Ашкрофт, — потому что деньги, заработанные здесь, выручают, являясь ценным дополнением к тем пяти фунтам стерлингов, которые получает муж, работающий подручным шахтера».

Картина, стало-быть, такая: заработная плата английских шахтеров не дает необходимых средств к существованию. Их жены по вечерам, после целого дня забот и тяжелых домашних работ, вынуждены ходить на дополнительные заработки на текстильные фабрики. Детей девать некуда — никаких детских садов и яслей, как видно по «Британскому союзнику», и в помине нет. Матери оставляют детей на попечение мужей, только что закончивших работу на шахтах.

Из заметки мы узнали также, что рабочий день мастеров-текстильщиков продолжается двенадцать часов.

После всего этого чего стоят прикрасы автора заметки, расписывающего, как «три раза в неделю фабрику посещает специалист по лечению мозолей, который бесплатно обслуживает весь фабричный персонал».

Прочитав заметку в «Британском союзнике», мы сравнили тяжелую и безрадостную жизнь английских рабочих с нашей жизнью. Наша фабрика «Красные текстильщики»—лишь одна из многих советских фабрик, и притом небольшая. Но и она имеет свой детский сад, свои детские ясли. Не было еще случая, чтобы кому-либо из работниц было отказано в определении детей в детские учреждения. При детском саде имеется ночная группа, где матери могут оставлять детей на всю неделю. Летом ребят вывозят за город — там они находятся с мая по сентябрь. Мы не будем рассказывать о наших амбулаториях, врачебных пунктах. Об этом всем известно. Наши работницы получают отпуска и путевки в дома отдыха и санатории.

Остается еще сказать о наших заработках. Я, Скибина, относительно молодая ткачиха, но мой заработок достигает теперь полутора тысяч рублей в месяц. В марте 1947 года я заработала 1.054 руб., в июне—1.447 руб., в ноябре—1.458 руб., в декабре 1947 года—1.448 рублей. Такой же заработок и у Семеновой. Еще более высокий заработок у помощников мастеров—он составляет в среднем около 2.000 рублей, а такие мастера, как Марченко, Кузнецов, Малинин, вместе с прогрессивной оплатой получают в месяц около 5.000 рублей каждый.

Мы имеем возможность заниматься в послерабочее время общественной деятельностью, повышением своего культурного уровня. Меня, Скибину, недавно избрали депутатом Московского городского совета, а ведь мне всего 22 года, и лишь четыре года назад я приехала из деревни Рязанской области!

Вот мысли, которые пришли нам в голову, когда мы прочитали с виду невинную, идиллическую заметку в «Британском союзнике». Газета, — не имея, конечно, такой цели, — рассказала жуткую правду о жизни английских рабочих и неуклюже пыталась украсить ее рассказами о лечении мозолей и тому подобными благоглупостями.

Прочитав заметку, мы вновь стали рассматривать фотографию и подумали, что Вере Скарборо стоило больших усилий сделать веселое лицо...

Е. СКИБИНА — ткачиха фабрики «Красные текстильщики», депутат Московского городского совета.

Ю. СЕМЕНОВА — ткачиха фабрики «Красные текстильщики».

МОСКВА.

Первый с'езд Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний

26—27 января в Московском доме ученых происходил первый с'езд Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Присутствовавшие на с'езде делегаты представляли 15 республиканских обществ и 18 отделений Всесоюзного общества, созданных в городах Российской Федерации. Среди них известные всей стране ученые, общественно-политические и военные деятели.

С'езд открыл председатель правления общества — академик С. И. Вавилов.

С докладом об итогах деятельности общества в 1947 г. и о плане работы на 1948 г. выступил заместитель председателя правления академик М. Б. Митин.

Прошло всего полгода, как по инициативе передовых научных, общественно-политических, военных деятелей, деятелей литературы и искусства создано Всесоюзное общество. За это время оно стало широкой организацией с более чем 6.000 действительных членов — индивидуальных и коллективов, с разветвленной сетью филиальных республиканских обществ и отделений.

Партия и правительство, сразу же поддержавшие инициативу советской интеллигенции, оказывают всемерную помощь обществу. Принятый учредительным собранием устав утвержден Советом Министров СССР, обществу передан крупнейший в стране Политехнический музей, оказаны меры материальной помощи, передан научно-популярный журнал «Наука и жизнь».

За время своей деятельности общество достигло немалых результатов. Созданы и действуют 17 секций по различным областям знаний. Около 6.000 лекций было прочитано за это время. Их прослушали более 1 млн. человек. Обширна и разнообразна тематика прочитанных лекций. Издано 66 брошюр—стенограмм публичных лекций общим тиражом 6.735.000 экз. Положено начало активного участия в деятельности общества действительных членов-коллективов, в числе которых имеются крупнейшие общественные, научные, культурные и государственные организации и учреждения.

Полугодовой опыт работы выявил также и слабые стороны деятельности общества: недостаточна посещаемость лекций вследствие не всегда удовлетворительной организации слушателей, не все члены активно участвуют в работе общества.

В 1948 году общество подготовит 800 новых лекций по различным областям знаний, отражающих важнейшие задачи, поставленные перед советским народом, откликающихся на крупнейшие исторические даты — 100-летие Манифеста коммунистической партии, 50-летие Первого с'езда РСДРП, лекций, освещающих богатейший вклад русской, советской науки в мировую культуру и науку. Общество предполагает организовать в этом году 10.000 публичных лекций. Издательский план намечает выпуск 180 брошюр общим тиражом 24 миллиона экземпляров.

Докладчик выразил уверенность, что в ответ на огромное внимание и помощь, которые Центральный Комитет партии и правительство оказывают обществу, замечательные кадры советской интеллигенции, об'единенные в обществе, не пожалеют сил для максимального развертывания его плодотворной деятельности в Москве и по всей стране.

В обсуждении доклада М. Б. Митина приняли участие 21 чел. Проф. Мириманян (Арм. ССР), тов. Овандер (УССР), проф. Карпачев (Свердловск) и другие рассказали о проделанной работе, указав на слабые стороны в деятельности местных организаций общества.

С'езд одобрил представленный правлением план работ и указал пути, обеспечивающие его осуществление.

На вечернем заседании 27 января в торжественной обстановке происходили выборы почетных членов общества.

От имени большой группы членов общества акад. С. И. Вавилов выдвигает кандидатуру товарища И. В. Сталина — великого вождя советского народа, гениального руководителя Советского государства и большевистской партии, корифея марксистско-ленинской науки. С огромным под'емом и удовлетворением воспринимает аудитория это предложение. Бурная, долго не смолкающая овация выражает единодушное решение участников с'езда.

С предложением избрать почетным членом общества тов. В. М. Молотова выступает акад. А. Н. Несмеянов. Присутствующие единодушно избирают верного соратника великого Сталина, выдающегося деятеля Советского государства и партии большевиков, крупнейшего представителя марксистско-ленинской науки, товарища Молотова почетным членом общества.

По предложению академика Б. Д. Грекова почетным членом общества избирается тов. А. А. Жданов, соратник великого Сталина, выдающийся деятель Советского государства и большевистской партии, имеющий исключительные заслуги в деле распространения политических и научных знаний среди народных масс.

С'езд единогласно избирает почетными членами общества выдающихся советских ученых-патриотов академиков Н. Д. Зелинского, Д. Н. Прянишникова, В. А. Обручева, имеющих особо ценные заслуги в распространении научных знаний.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ВЫСЛУШАЙТЕ РАЗВЕДЧИКОВ НЕДР»

В статье И. Фролова под этим названием, помещенной в «Литературной газете» 10 января, указывалось, что Главснаблес не выполняет своих обязательств перед геологами. Редакция получила письмо зам. начальника Главснаблеса при Совете Министров СССР тов. И. Ярмола. Тов. Ярмола заявляет: «Главснаблес подтверждает факт невыполнения поставки лесоматериалов Министерству геологии».

Главснаблес сообщает, что дано распоряжение на места полностью выполнить установленный план снабжения Министерства геологии лесоматериалами на первый квартал текущего года. Тов. Ярмола указывает, что уже за 20 дней января Министерство геологии получило 155 вагонов леса, в то время как за весь IV квартал прошлого года было дано всего 204 вагона. Дальнейшие поставки леса предприятиям Министерства геологии взяты под специальный контроль.

В защиту свободы и мира!

ВЕНГЕРСКИЕ ПИСАТЕЛИ — СОЮЗУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Общее собрание Союза прогрессивных венгерских писателей шлет вам свой дружеский привет и заверяет вас в своем глубоком уважении. Союз венгерских писателей высоко держит знамя традиций свободолюбия и глубокого, подлинного искусства Петефи Шандора, Ади Эндре, Йожеф Аттила.

Пусть каждый советский писатель знает, что лучшая часть венгерских писателей осталась верна своим революционно-гуманистическим традициям. В духовной жизни венгерского народа наша литература сыграла прогрессивную роль.

Мы с уважением и благодарностью следим за вашей победоносной борьбой, вдохновляемой сталинской волей. Мы рады тому, что благодаря демократическим преобразованиям, происшедшим в Венгрии, наши крестьяне получили давно желанную землю, рады тому, что нам возвращены общечеловеческие права, прежде всего — свобода слова.

Свободная печать дала возможность познакомиться с запрещенной прежде советской литературой. Вы — достойные наследники замечательной русской классической литературы.

Большую радость доставляет нам ваше творчество. Оставив позади буржуазное изображение жизни и мира, вы обрадовали наши сердца образами новых людей, изображением человека-творца, никого не желающего угнетать, но и не терпящего собственного угнетения. Примите за это нашу горячую благодарность.

Внимательно следя за формированием послевоенного мира, мы глубоко возмущены тем, что после второй мировой войны, основную тяжесть которой вынес на своих плечах Советский Союз, боровшийся за свободу всего человечества, мир вновь оглушают крики империалистических подстрекателей.

Со страниц «Литературной газеты» прозвучало проникающее в сердце обращение советских писателей, поднявших свой голос в защиту всеобщего мира. Вместе с вами и мы подымаем протестующий голос против новых поджигателей войны.

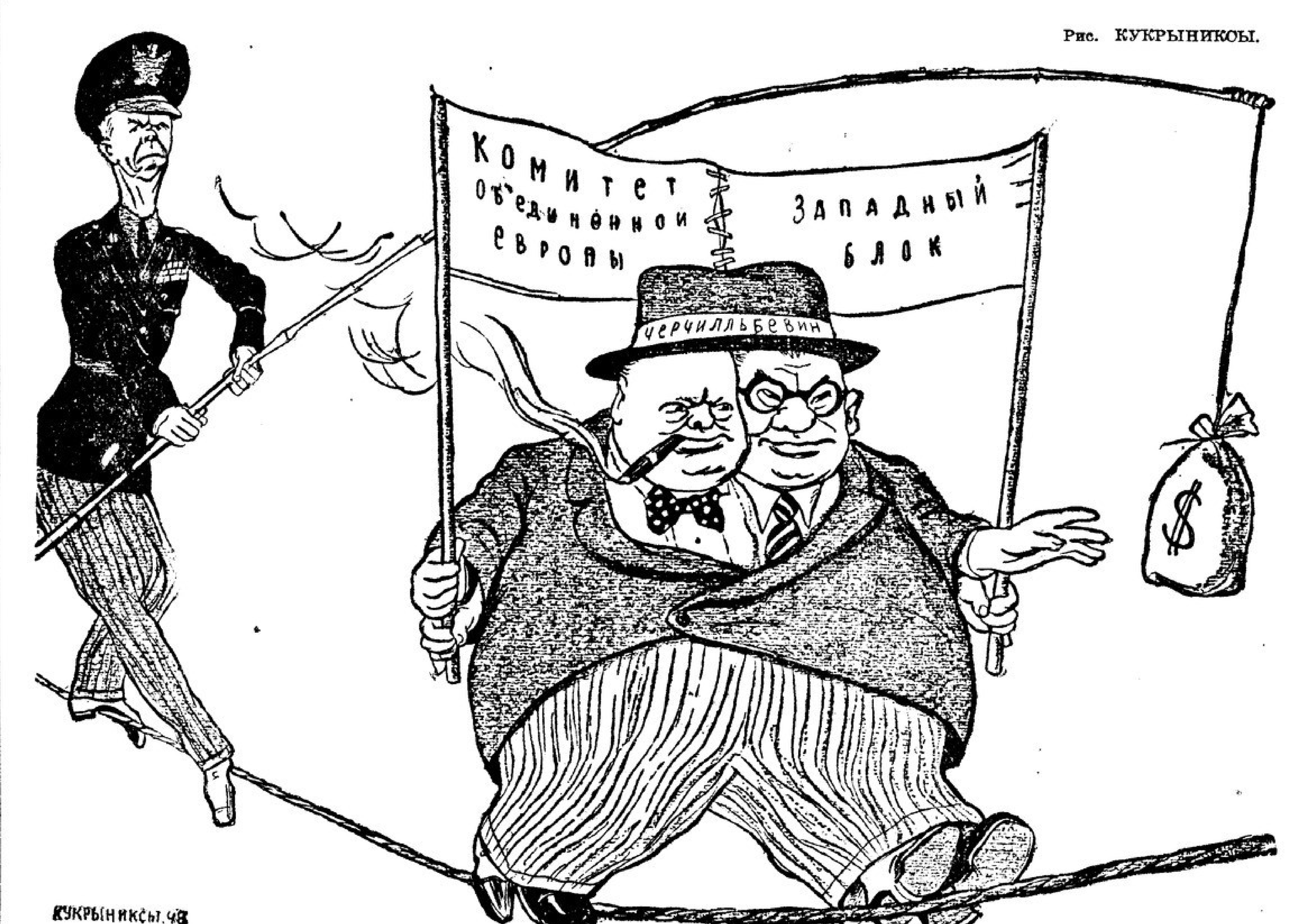
Свободолюбивые и ищущие правды венгерские писатели не чувствуют себя теперь одинокими. Братья наши — писатели Советского Союза и писатели стран новых народных демократий! Идеи борьбы за свободу проникли во все уголки мира. Соединим же воедино наши творческие стремления и надежды, чтобы защитить свободу, честность и мир!

Гергель ШАНДОР, председатель Союза венгерских писателей.

Барабаш ТИБОР, генеральный секретарь.

ОПАСНЫЙ ЦИРКОВОЙ НОМЕР, ПОСТАВЛЕННЫЙ ПО ПЛАНУ МАРШАЛЛА

Рис. КУКРЫНИКСЫ.

На фронтах национально-освободительной борьбы

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В КИТАЕ

В течение последнего месяца Народно-освободительная армия добилась новых серьезных успехов в Маньчжурии, в Северном и Центральном Китае.

Народные войска, действующие в Маньчжурии, продолжают наступление на Мукден и в районе Чанчунь—Гирин.

К северо-западу от Мукдена части Народно-освободительной армии форсировали Ляохэ и создали предмостное укрепление на южном берегу реки, в 25 километрах от города. Ожесточенное сражение происходит в районе железнодорожной станции Синьлитунь. Народные войска ведут наступление на Инкоу. Мукден испытывает острую нужду в продовольствии. Как сообщают, началась эвакуация на самолетах гоминдановских чиновников и их семей из города.

Одновременно с наступлением на Мукден народные силы активизировали операции в районе Чанчунь—Гирин.

Военное положение гоминдановцев на маньчжурском фронте обостряется с каждым днем. Они еще удерживают трудно обороняемый коридор Гирин — Чанчунь—Мукден. Но практически гоминдановские части, действующие в этом коридоре, изолированы от своих войск, находящихся в Северном Китае, так как движение по единственной магистрали, соединяющей Мукден с внешним миром, — Бэйпин-Мукденской железной дороге, — постоянно нарушается народной армией. Дорога фактически бездействует.

Территория, освобожденная Китайской Народной армией. Масштаб.

В Северном Китае войска Народно-освободительной армии вновь улучшили свои позиции. Они продолжают активные боевые действия в стратегическом треугольнике Тяньцзинь—Бэйпин — Баодин. Баодин окружен. Крупные силы китайской народной армии ведут бои в районе Бэйпина. Ее войска перерезали железную дорогу Тяньцзинь—Пукоу и заняли железнодорожную станцию Тангуаньтунь — важный пункт в системе обороны Тяньцзиня. Продолжается продвижение к порту Дагу.

В новогодней речи Чан Кай-ши указал на операции в провинции Шэньси, как на особый успех гоминдановцев. В действительности же гоминдановские войска в этой провинции изолированы в нескольких городах, в их числе — Яньань.

На Шаньдунском полуострове Народно-освободительная армия зажала в клещи с юго-запада и юго-востока порт Чифу. Усилился также нажим на внешнюю линию обороны важного морского порта Циндао. Успеху Народно-освободительной армии в этом районе способствует то обстоятельство, что гоминдановцы недавно были вынуждены перебросить свои войска с этого участка фронта на северо-восток.

Операции в Северном Китае тесно связаны с действиями на Мукденском фронте. Судьба Мукдена решит судьбу Маньчжурии, а падение Маньчжурии, в свою очередь, поставит в безнадежное положение гоминдановские войска, сражающиеся в районах Тяньцзиня и Бэйпина.

Это признается и гоминдановским правительством. Так, на-днях Чан Кай-ши заявил: «Китай (речь идет, конечно, о гоминдановском Китае. — О. П.) не может существовать без Северного Китая и Северный Китай не может существовать без северо-востока».

Явно угрожающий оборот приняли для гоминдановцев события в Центральном Китае. В междуречье Хуанхэ и Янцзы развертываются бои крупных масштабов.

Народно-освободительная армия ведет операции на широком фронте, непосредственно примыкающем с востока к гоминдановской столице — Нанкину. Развивается наступление в направлении Синьян—Ханькоу. Идут бои в районе Лаохэкоу. Столица провинции Хэнань—Кайфын почти полностью изолирована. В ряде районов народные войска достигли северного берега Янцзы. Занято несколько городов между Ханькоу и Аньцином (главный город провинции Аньхуэй)—Гуанцзи, Тайху, Иншань и другие.

Народно-освободительная армия господствует в стратегически важном Дабешаньском горном районе, на границе провинций Хубэй и Хэнань. Это дает возможность народным войскам постоянно расширять район боевых действий. Они ведут бои в районе Люхэ, близ Нанкина, просачиваются через Янцзы в южные провинции Китая, вторглись в провинцию Сычуань.

Операции Народно-освободительной армии создали непосредственную угрозу для гоминдановских политических центров — Нанкина, Шанхая и Ханькоу, дезорганизовали судоходство по Янцзы, важнейшей магистрали, связывающей плодородные районы Западного Китая с городами восточного побережья, и угрожают южным рисопроизводящим провинциям Китая.

Победы Народно-освободительной армии увеличивают разброд в рядах гоминдана. В январе этого года в Гонконге была опубликована программа так называемого «революционного комитета», созданного «демократической группой» гоминдана. В программе провозглашается борьба против Чан Кай-ши. Таким образом, часть членов гоминдана заранее стремится обеспечить свои позиции, предвидя неизбежный крах режима Чан Кай-ши.

О. ПРУДКОВ.

КНИГИ ГЕРОЕВ

Государственное издательство сельскохозяйственной литературы начало выпускать серию брошюр о производственном опыте мастеров социалистического земледелия.

Первые выпуски серии — брошюры Героев Социалистического Труда колхозника Марка Озерного, директора зерносовхоза «Гигант» Ф. Бойко и уральского колхозника А. Рубцова — вышли в свет.

Серия издается под научной редакцией действительного члена Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина проф. И. В. Якушкина. Тираж каждой книги —200—300 тысяч экземпляров.

В. ВОЛОДИН

Робер Шуман, дважды предавший Францию

Приход к власти нового премьер-министра Робера Шумана явился довольно приметным событием в жизни Франции. В экономической области были приняты такие меры, которые разоряют как рабочего, так и служащего, как торговца, так и крестьянина — словом, все французское население. за исключением «двухсот семейств». Шуман ввел антирабочие законы, еще более диктаторские, чем существовавшие при Наполеоне III. В области внешней политики воцарение Шумана на посту премьер-министра странным образом совпало с разгулом антисоветских провокаций во Франции, а также с холопским раболепием перед «зеленой бумажкой» — долларом.

Чем же замечателен сам по себе г-н Робер Шуман?

Это старый унылый господин с большим носом, глубокими морщинами, большими ушами и лысым грушеобразным черепом, одетый наподобие тех старых провинциальных бухгалтеров, которых весьма часто выводят в реалистических французских романах. Злые языки утверждают, что Шуман предпочитает карикатуры на него, опубликованные его политическими противниками, своим официальным снимкам. Впрочем, это понятно: даже самые язвительные карикатуры не способны передать все возмутительное лицемерие и холодную злобу современного «отца Гранде», правящего французским народом. Эти черты значительно явственнее обнаруживаются на его подлинных фотографиях...

Уверяют, что Шуман—скромен. Скромность этого господина дошла до того, что, уже будучи премьером, он передал в газеты свою биографию, в которой почти ничего не говорится о прошлой деятельности. Эта своеобразная скромность имеет свои причины. Подробная биография открыла бы французскому народу ряд деталей, которые г-н Робер Шуман имеет основания скрывать.

Что это за детали?

Французская демократическая пресса, вопреки желаниям г-на Шумана, дополнила его биографию штрихами, имеющими определенный политический интерес.

Стало известно, что Робер Шуман, нынешний французский премьер-министр, учился в реакционнейшем немецком университете в Иене во времена императора Вильгельма II. Он был офицером запаса в германской армии в период первой мировой войны.

Печать огласила и другие подробности, скромно обойденные г-ном Шуманом в своей биографии. В 1938 году Робер Шуман голосовал за ратификацию мюнхенского соглашения — он был тогда единственным членом своей партии, открыто одобрившим позорный сговор. Однако было бы наивно возмущаться этим теперь, когда реакционные политиканы, составляющие большинство во французском парламенте, считают нормальным, чтобы гнусный Даладье, подписавший соглашение, стал их коллегой. Вполне «нормально» поэтому, что эти «избранники народа» согласились принять в качестве премьер-министра человека, который одобрил мюнхенский позор. Уместно отметить, также, что десять лет назад г-н Шуман считал не более чем «клочком бумаги» первый франко-советский пакт.

Имеется и еще одна существенная деталь в биографии председателя совета министров IV Французской республики: в 1940 году в первом правительстве изменника Петэна он был «министром» по делам беженцев. «Министры» этого «правительства» голосовали за упразднение Республики, а позднее, капитулировав, выдали французский народ гитлеровским оккупантам.

Маршал-изменник окружал себя верными ему людьми. Об этом обстоятельно писал французский посол Каммерер в своей книге «Правда о перемирии», опубликованной за три года до того, как Робер Шуман стал премьер-министром. Вот относящиеся к г-ну Шуману строки:

«Петэн наделил портфелями людей, поддерживающих политику капитуляции: Ибарнегарея, Фроссара, Шумана... Это было правительство, носящее зародыш диктатуры нового типа: диктатуры поражения».

По французским законам, участие в правительстве Петэна считается изменой. Робер Шуман дважды изменил французскому народу: как министр Петэна и как один из могильщиков третьей Республики.

Однако ловкий политикан сумел выбраться сухим из воды. Он отделался лишь легким испугом в «суде чести».

26 ноября прошлого года демократический еженедельник «Аксьон» назвал министерство Шумана «правительством фон Папена». Парижский журнал подчеркнул этим, что международные силы реакции отводят Роберу Шуману ту же роль, какую возлагали в свое время на фон Папена: ему поручается расчистить путь для фашизма и осуществить переход от правого социалистического правительства Рамадье к настоящему «фюреру» типа де Голля.

Известный американский дипломатический диверсант Буллит подтвердил мнение, высказанное французским журналом. В опубликованной Буллитом статье, которая была зачитана даже во время прений во французской Национальной ассамблее, он рассматривает Рамадье, как «первую линию обороны» США, а де Голля, — как «последнюю линию».

Таким образом, Робер Шуман, как фон Папен в 1933 году, будет тем «стратегом», который проведет отступление от «первой» до «последней» линии.

В биографии Шумана мы обнаруживаем и другие детали, роднящие его с фон Папеном. Дело в том, что в католических кругах Робер Шуман, как и фон Папен, является представителем Ватикана. В 1940 году, когда германская полиция делала вид, что разыскивает петэновского министра и собирается его арестовать, Шуман нашел убежище в католических монастырях, где и отсиживался вплоть до освобождения Франции. Эта история лишний раз подчеркивает внимание католической церкви к персоне Шумана. Ватикан, выдвинувший в 1933 году на немецкую политическую арену фон Папена, начиная с 1942 года подготовлял появление Шумана на французской политической арене.

И, наконец, подобно фон Папену, Шуман тесно связан с магнатами металлургии. В 1919 году на выборах в палату депутатов Робер Шуман выступал вместе с знаменитым «торговцем пушками» Ги де Ванделем. Вместе с ним же он был избран в палату вторично в 1924 году. Позже выяснилось, что де Вандель уплатил огромные суммы, чтобы обеспечить успех списка Шумана.

Нынешний премьер Франции никогда не забывал этой услуги. Защищая интересы своих хозяев, он выступал в парламенте против проекта национализации, выдвинутого правительством Народного фронта, а в сентябре 1936 года протестовал против рабочего движения, основываясь на... «плохом эффекте», который производит это движение в гитлеровской Германии...

Таким образом, совершенно очевидна связь Шумана с представителями тяжелой французской индустрии. Чтобы не усложнять и без того ясной картины, мы не говорим об известных связях между французской и немецкой тяжелой промышленностью. Достаточно только напомнить, что половина семьи покровительствующего Роберу Шуману де Ванделя является немецкой и один из ее членов был депутатом рейхстага.

Жалкий лотарингский адвокат, предатель Шуман всегда был ревностным исполнителем воли своих хозяев. Угодливо и верноподданнически исполняя директивы заокеанских богатых дядюшек, председатель французского совета министров расчищает путь к власти болтливому генералу, который уже доказал свою неспособность управлять французским народом.

Президент Французской республики Венсан Ориоль, когда он еще был только депутатом Консультативной ассамблеи, произнес резкие фразы по адресу лиц, которые присоединились к предателю Петэну:

«Если завтра те, которые предали и задушили Республику, захотят воспользоваться свободами, которые они старались сами отменить, вы должны подняться против них, как друзья правосудия, и сказать им:

Нет! Вы не патриоты; вы предатели или трусы. Убирайтесь вон!..»

Сейчас господин Венсан Ориоль поручил Роберу Шуману возглавить теперешнее правительство Франции.

В нынешней официальной Франции всячески обеляются имена изменников и трусов, предававших французский народ. Больше того, им, как и Роберу Шуману, с помощью заокеанских покровителей оказываются всяческие почести. Но французский народ не забыл ничего. Он еще произнесет свое: «Убирайтесь вон!..»

Лев СЛАВИН

Расправа с патриотом

Несколько времени назад здесь, в Москве, мы были свидетелями благородного и смелого поступка французского офицера. Полковник Маркье, начальник французской репатриационной миссии в СССР, выступил на пресс-конференции с декларацией. Подчиняясь возвышенным влечениям своей совести, он заявил резкий протест против антисоветских происков своего правительства.

Не в первый раз возмущенное сознание честных французских патриотов подымает негодующий голос против своих растленных министров в защиту чести Франции.

Ровно полвека назад (какой знаменательный юбилей!) Эмиль Золя в своем знаменитом «J'accuse!» («Я обвиняю!») перед лицом всего мира обвинил в заведомой лжи, клевете и подлогах продажное правительство Бриссона, состряпавшее гнусное дело Дрейфуса.

Во времена более близкие к нам, десять лет назад, в 1938 году, когда «мюнхенцы» вероломно отдали народы Европы на растерзание Гитлеру, французский военный атташе в Праге генерал Фоше в знак протеста против предательства Блюма и Даладье скинул с себя опозоренный французский мундир и пошел простым солдатом в чехословацкую армию.

Недавно полковник Маркье вернулся во Францию. И здесь правительство Шумана—Бидо совершило то, на что не решалась реакционная довоенная клика: оно арестовало Маркье. По приказу министра внутренних дел Франции социалиста Жюля Мок он был заключен в крепость. Еще со времени «кровавой собаки» Носке повелось так, что когда социалист дорывается до руководства полицией, он в своей жандармской прыти оставляет далеко позади старых волков сыска...

Полковник Маркье уцелел на полях сражений с гитлеровцами. Он остался невредимым, борясь с ними в подполье, как боец Сопротивления. Его не тронули фашистские снаряды. Он ускользнул от гестаповских шпиков. Его настигли господа Робер Шуман, Жюль Мок и Миттеран, французские министры.

Жандармы не выносят приговора. Жандармы только выполняют его. Приговор полковнику Маркье был вынесен другими.

«Это член РПФ (деголлевского об'единения) Монтель,—пишет «Юманите», — потребовал в Национальном собрании, чтобы полковник Маркье по прибытии во Францию был подвергнут 60-дневному аресту со строгой изоляцией. Это наказание применило правительство так называемой «третьей силы». Вот один из примеров единства американской партии».

Таким образом, расправа, учиненная над полковником Маркье, — это только одна из деталей коварного плана систематического осложнения франко-советских отношений, вдохновляемого морально (и материально) реакционной кликой США, которые, по выражению Жака Дюкло, «подчинили себе Францию и превратили ее в предмостное укрепление реакции в Европе». Целью этого подлого плана является разрыв франко-советского союза вопреки жизненным интересам и воле французского народа. Средством — разнузданная антисоветская пропаганда.

Озлобление реакционной клики было усилено тем обстоятельством, что полковник Маркье в своем заявлении на пресс-конференции бесстрашно вскрыл истоки предательского рвения г-на Шумана и его подручных.

Ведь истинная трагедия состоит в том, что антисоветские акции, предпринимаемые в холуйском экстазе всеми этими шуманами и моками, эттли и бевинами, прежде всего и больше всего бьют по жизненному благополучию французского и британского народов. Ибо тот, кто агитирует против Советского Союза, агитирует против демократии и мира, за унизительное нищенство на ступеньках Уолл-стрит.

Пустеют поля некогда цветущей Франции. В 1939 году там было засеяно свыше пяти миллионов гектаров пшеницы, в 1947 году — только три с лишним миллиона. Француз получает голодный паек—200 граммов хлеба с тридцатипроцентным содержанием кукурузы.

Сто миллионов франков в день обходится французскому народу война в Индокитае. Но на неопределенный срок отодвинуто восстановление разрушенных городов. Свернуто капитальное строительство и отменена постройка сети гидростанций в этой стране, где все еще царит после войны жестокий угольный и энергетический голод.

Рост заметен только в одной сфере деятельности французского правительства: в антисоветских акциях. Он отразился и в характерном инциденте, происшедшем недавно с московским корреспондентом правительственного агентства Франс Пресс, г-ном Шампенуа.

«Преступление» г. Шампенуа состояло в том, что после заявления полковника Маркье он обратился к нему с письмом, где приветствовал г. Маркье за его «патриотическое, мужественное и полезное заявление».

«Вы не только эффективно помогали,— писал г. Шампенуа в этом своем письме, опубликованном впоследствии в «Юманите», — возвращению многих французов на родину, но также помогли возврату во Францию нескольких здравых идей, главная из которых — это идея, что мы не имеем права позволить — независимо от предлога и в целях какого-либо маневра— работу, направленную на разрушение франко-советской дружбы, на разрыв или превращение во что-то отжившее франко-советского договора, который, как сказал мне как-то Эррио, «начертан на карте мира и в наших сердцах» и который является основой безопасности и независимости нашей страны».

Дирекция агентства Франс Пресс, считающая себя вправе контролировать эмоции своих сотрудников, прислала г. Шампенуа оскорбительное письмо:

«В случае, если вы действительно автор письма к полковнику Маркье, опубликованного в «Юманите» 14 декабря, вы должны вернуться с вашим багажом».

У служащего, по мнению дирекции Франс Пресс, не должно быть личных убеждений. У служащего должны быть убеждения фирмы.

Возмущенная этим грубым нарушением прав журналиста группа иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве, обратилась в Международную ассоциацию журналистов с просьбой защитить права их коллеги от действий дирекции агентства Франс Пресс, направленных, как они пишут, «не только против одного журналиста, но против самой профессии журналиста, для которого свободное выражение мнений является священным принципом».

Это письмо подписали 16 корреспондентов, представляющих в Москве шведскую, чехословацкую, польскую, финскую, югославскую, болгарскую, китайскую, албанскую и французскую прессу.

Нетрудно заметить, что в этом перечислении нет ни одного из девяти корреспондентов, представляющих в Москве печать США.

Столь красноречивые в других случаях, здесь они прибегли к приему, который известен в искусстве красноречия под названием: фигура умолчания.

Молчание не всегда золото. В известных случаях оно — ложь. Точно так же, как воздержание не всегда добродетель. В известных случаях оно — трусость.

Полковнику Маркье его благородный и бесстрашный поступок стоил свободы. Г-ну Шампенуа — службы.

Нам неизвестны душевные движения девяти джентльменов, представляющих в Москве американскую прессу. Но мы довольно явственно воображаем душевные движения хозяев этой прессы.

Арест полковника Маркье вызвал во французском народе глубокое возмущение. Общество «Франция — СССР» в своем коммюнике резко протестует против «ареста французского офицера, который выступил в защиту как дружбы, столь необходимой между Францией и СССР, так и интересов нашей страны».

Своим смелым патриотическим поступком полковник Маркье защитил честь своей родины, продемонстрировав, что благородный, отважный, революционный народ Франции протягивает руку дружбы великому Советскому Союзу над головами оголтелой банды парижских холуев Вашингтона.

АМЕРИКАНСКАЯ «РУКА ПОМОЩИ» ФРАНЦИИ

Фотомонтаж из французского еженедельника «Ви увриер»

Гестапо в Америке

Американская газета «Дейли уоркер» в одном из декабрьских номеров прошлого года поместила статью Арта Шилда «Гувер создает свое мощное гестапо». Эту статью, дающую представление о том, какой размах приобрела в последнее время в США деятельность тайной политической полиции, возглавляемой известным шпиком, злобным врагом всего мало-мальски прогрессивного — Дж. Эдгаром Гувером, мы с незначительными сокращениями печатаем ниже.

На протяжении жизни последнего поколения феноменально выросла тайная политическая полиция Америки.

Руководитель Федерального бюро расследований Дж. Эдгар Гувер имеет сейчас в своем распоряжении в 14—15 раз больше денег, чем его бюро имело в 1920 году, когда он руководил пресловутыми «налетами на красных». Тем не менее, он постоянно обивает пороги конгресса, добиваясь получения еще больших средств.

Федеральное бюро расследований, угрожающее ныне прогрессивным американцам новыми преследованиями, было неизвестно нашей республике в первые 120 лет ее существования. Вашингтон, Джефферсон, Эндрю Джэксон и Линкольн обходились без него.

Секретная полиция появилась одновременно с развитием американского империализма в начале этого века. Она была создана президентом Теодором Рузвельтом (не Франклином Рузвельтом) для расследования деятельности членов конгресса, которых он не любил.

Постепенно секретная полиция разрасталась. Но в 1913 году, в первый год президентства Вудро Вильсона, ежегодный бюджет Бюро расследований, как оно тогда называлось, составлял лишь 415.452 доллара.

Это едва превышало 1 процент средств, которые сегодня расходуют сыщики, выслеживающие по приказу Эдгара Гувера «нелойяльных» американцев, и профсоюзные шпионы.

В 1917 году, когда Гувер был включен в платежную ведомость Бюро расследований в качестве главного «антирадикального» агента, эта шпионская организация располагала только 617.534 долларами.

Однако в 1918 году фонды на шпионаж утроились, так как усилилось наступление правительства на прогрессивное рабочее движение.

Средства на шпионаж снова значительно возросли в 1919 году, когда Гувер стал главой нового центрального отделения службы разведки, а А. Митчелл Палмер— новым министром юстиции, известным своими «походами против красных».

В самый разгар крупнейших налетов на «красных» — в 1920 году — шпионское бюро получило 2.437.104 доллара. За одну ночь Гувер ухитрился арестовать без ордеров на арест 6.000 рабочих, затратив сумму, равную только 7 процентам того, что он получает сегодня.

Гувер собрал сотни тысяч персональных карточек «радикалов» с «опасными мыслями» и помог провести в том же году инсценированный судебный процесс над Сакко и Ванцетти.

«В тот мрачный период, — писал двадцать лет спустя журнал «Нью рипаблик», — Гувер составил список в полмиллиона лиц, попавших под подозрение, как опасные, из-за своих ультра-радикальных экономических или политических воззрений или деятельности. На каждые 60 семей, проживавших в Соединенных Штатах, приходился один, внесенный в список... Гувер на 14 лет опередил Генриха Гиммлера...»

Но система личных карточек, введенная Гувером, в те годы находилась в пеленках по сравнению с миллионами фамилий, фигурирующих сейчас в его досье.

Однако уже тогда в его списке значились крупные имена. Тогда, как и теперь, каждый либерал находился на учете Федерального бюро расследований. Даже Харлан Фиск Стоун, позднее главный судья Верховного суда, числился в гуверовском списке заподозренных.

В их числе был и нынешний член Верховного суда Феликс Франкфуртер, который выступал против преследования «красных» и инсценировки суда над Сакко.

К этому времени деятельность секретной политической полиции сделалась настолько заметной, что «Американский союз защиты гражданских свобод» в 1924 году под руководством своего председателя доктора Гарри Уорда выступил с ее разоблачением.

Брошюра называлась «Шпионская система в национальном масштабе с руководящим центром в министерстве юстиции». В подзаголовке говорилось, что сообщение касается «фактов, свидетельствующих о колоссальном росте за последнее время правительственной секретной полицейской системы, занимающейся шпионажем, запугиванием, пропагандой и провокациями».

Эти факты стали еще более вопиющими сегодня, когда Гувер располагает в 15 раз большими средствами.

В конце тридцатых годов преследование рабочих усилилось. К 1940 году Гувер выделил часть средств из своего бюджета в 8.000.000 долларов на массовые аресты членов профсоюза горняков, входящего в Конгресс производственных профсоюзов, в Дактауне, где агенты бюро сорвали забастовку.

Годом раньше гуверовские агенты прогнали по улицам Детройта врачей, скованных цепями. Эти люди обвинялись в том, что они подвергли медицинскому освидетельствованию добровольцев, направлявшихся в испанскую республиканскую армию.

Бюджет Гувера резко возрос во время войны. Правительство считало, что средства необходимы для обуздания фашистов. Но чем больше денег получал Гувер, тем большее число фашистов избегало преследования. Главным об'ектом расследований, предпринимавшихся Гувером, были прогрессивные рабочие. Да и личные выступления Гувера по радио превратились в тирады ненависти по адресу коммунистов и любых прогрессивных деятелей. Фашисты, разумеется, избежали преследований.

Теперь Гувер имеет 3.800 агентов и постоянный бюджет почти в 32.000.000 долларов, пополняемый миллионами долларов специальных ассигнований.

Он является любимцем «Национальной ассоциации промышленников» и предметом восхваления в фашистских журналах, ибо он руководит нынешней кампанией по проверке «лойяльности» государственных служащих.

Факты без комментариев

ДЕ ГОЛЛЬ НА СТРАЖЕ ПЕТЭНА

Французский генерал Катру, командовавший в 1941 году силами «Свободной Франции» во время операций в Сирии, обратился с просьбой признать его участие в борьбе с врагами Франции во второй мировой войне. Однако, как сообщают французские газеты, Высший военный совет Франции отклонил эту просьбу в связи с тем, что он не считает теперь Пэтэна «противником».

Этот откровенный жест не вызывает удивления, поскольку генерал де Голль выступает теперь в качестве усердного защитника бывших приверженцев Петэна.

БЕГСТВО ОТ НИЩЕТЫ

Восемнадцать человек — мужчины, женщины и дети, как сообщает журнал «Тайм», «измученные высокими ценами и отсутствием жилища», отплыли из Лос-Анжелоса на небольшом судне на один из малонаселенных островов, находящихся на расстоянии нескольких десятков миль от побережья Панамы. По прибытии на этот остров они намерены организовать колонию...

ГЕРОЙ УОЛЛ-СТРИТ

В Голливуде начаты с'емки нового фильма из жизни «знаменитого» гангстера Аль-Капоне. Предположительная стоимость нового фильма — по сообщению венской «Вельт ам монтаг» — миллион долларов. Это уже второй фильм о «короле гангстеров»; первый был сделан несколько лет назад.

В ПОГОНЕ ЗА РЕКОРДАМИ

Некий Альфред Несслер из Скенектеди побил новый мировой рекорд. Этот пятидесятилетний чемпион мира непрерывно на протяжении 87 минут и 55 секунд курил свою трубку, ни разу не зажигая ее вновь.

БАНКИР-ПРОПОВЕДНИК

Как сообщает журнал «Тайм», проживающий неподалеку от Луизвилля (США) пастор Сандерс на протяжении 25 лет успешно и беспрепятственно совмещает эту свою профессию с обязанностями президента местного банка. Впрочем, Сандерс признает, что он все же лучший банкир, чем проповедник.

В. ГАЛЬПЕРИН

„МОРТЕН КРАСНЫЙ“

Мартину Андерсену Нексе уже более семидесяти лет. Но писатель попрежнему не знает творческой усталости. Он не хочет жить на проценты с нажитого капитала. Пока в послевоенном мире злобствуют «клеветники и шарлатаны» всех мастей, писатель-борец продолжает наносить меткие удары. Лучшее доказательство этому — новая книга Нексе «Мортен Красный».

«Мортен Красный» заключает эпическую трилогию, монументальное повествование, посвященное всестороннему изображению датской действительности конца XIX и начала XX века. Первая и вторая части этой трилогии — «Пелле-завоеватель» и «Дитя человеческое». События романа «Мортен Красный» охватывают период от кануна первой мировой войны до февраля 1917 года. Несмотря на то, что нас отделяет от событий, изображенных в книге, тридцать лет, Нексе сумел связать судьбы героев с сегодняшним днем послевоенной Европы. Не случайно многие современники из числа датских и немецких социал-демократов могут узнать себя в персонажах романа.

Честный датский писатель и журналист Мортен в надежде «пополнить запасы духовной пищи» совершает поездку по Германии. Всеобщий дух милитаризма, гнусная антисемитская кампания, зоологический шовинизм, пангерманистская пропаганда растлили души немецких мещан и лавочников. В сознании домохозяйки, у которой поселился Мортен, крепко засела мысль о «великой Германии». Как попугай, повторяет она заученные фразы о том, что «народ нуждается в кровопускании» и поэтому «Германия не может обойтись без войны». Мортен ищет встречи с социал-демократическими лидерами, рассчитывая найти в них защитников мира. Но его ждет горькое разочарование. Вожди немецкого рабочего движения — оппортунисты давно превратились в банду политических плутов и обманщиков, спекулирующих на доверии народа.

В романе Нексе выведены разнообразные типы социал-предателей. На их фоне рельефно вырисовывается фигура датского социал-демократа Пелле — собирательный образ ренегатства и двурушничества деятелей II Интернационала. Сын батрака, Пелле в молодости примыкал к революционным социалистам, но затем продался буржуазной реакции. Этот ловкий демагог пытается сохранить былую популярность среди рабочих, прикидываясь другом трудящихся. Лозунг Пелле — «мирная эволюция», «врастание в капитализм».

Пелле делает блестящую карьеру, вершит темными финансовыми аферами. Любой ценой — «порядок должен быть» — таков девиз этого «рабочего» лидера в цилиндре, фраке и манишке. Понятно, что внешне «нейтральный» Пелле на деле приветствует войну, рассчитывая на ней погреть руки.

Политическую мимикрию Пелле разгадывает все большее число рядовых социал-демократов. Предательская тактика реформистских вождей вызывает возмущение безработного формовщика Ольсена. Он порывает с партией, в которой состоял много лет.

Вместе с Ольсеном против социал-демократических бонз выступает передовая рабочая молодежь. Знаменательно, что бунт против политической атмосферы, при которой «каждый глоток воздуха имел кисловатый привкус реакции», возглавляет сын Пелле — Свен-Утеха.

Любовно рисует Нексе и другие образы простых людей Дании. Не затушевывая их отсталость и разобщенность — следствие реформистских влияний на датское рабочее движение, — он видит в них силу будущего, здоровое ядро нации.

Защите интересов датских трудящихся и посвящает свою жизнь главный положительный герой романа Нексе — писатель Мортен.

Но Мортен, сильный в отрицании старого мира, не имеет ясной положительной программы. Деятельность его зачастую граничит с просветительством. Личная жизнь Мортена складывается трагически. Любовь к жене, пустой мещанке, обескрыливает его порывы, накрепко привязывая к семейному очагу. Он жаждет активного действия, но в обстановке тогдашней Дании не может найти правильного пути к нему.

В преодолении Мортеном духовного кризиса огромную роль играет его знакомство с русской литературой, единственно революционной литературой мира. Для первого выступления на рабочем собрании Мортен избирает тему «Горький и русская революция 1905 года». Горьковским примером он вдохновляется в своей писательской работе.

Мортен узнает с большим опозданием о конференции в Циммервальде. Впервые слышит он «вспыхнувшее на небосводе светозарным знаменем» имя Ленина, который «разделал» социал-демократических «заправил». Отныне он готов следовать за «русскими товарищами», **настоящими марксистами** в отличие от социал-предателей из Берлина. Прежде Мортену казалось, будто он живет в «ничьей» стране. Ветер с Востока уносит чувство одиночества. «Путь определяется» — так назвал Нексе финальную главу романа. Маяком на этом пути будет для Мортена новая Россия.

Роман Мартина Андерсена Нексе приобретает особенно актуальное звучание сегодня, когда в деле маскировки и прикрытия замыслов американского империализма особенно подлую роль играют правые социалисты Англии, Франции, Италии, Бельгии, Дании, Австрии. Современные Пелле отличаются от своих предшественников разве только тем, что их ничто и никогда не связывало с рабочим классом. Им не пришлось «перерождаться».

Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму. Лучшие прогрессивные писатели Запада понимают и приветствуют это. С особой силой звучат слова Мартина Андерсена Нексе: «Время принадлежит Сталину, время принадлежит коммунизму».

Мартин Андерсен Нексе. «Мортен Красный», Государственное издательство иностранной литературы, 1947 г., Москва.

М. ПАПАВА

ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКА

В журнале «Звезда» напечатана новая повесть В. Смирнова «Открытие мира». Мы помним Смирнова по его предыдущей повести «Сыновья», тепло встреченной советской критикой и читателем. В ней рассказывалось о судьбе русской крестьянки, о том, как переплелась личная судьба героини с высокими судьбами страны, как в новой колхозной деревне из белоголовых крестьянских мальчишек вырастают новые советские люди. Уже тогда определились в повести приметные черты писателя — взволнованность и искренность его повествования, поэтическое видение труда и быта советской деревни. и, наконец, внутренняя целеустремленность автора, далекая от всякой литературной позы.

Все эти черты с еще большей отчетливостью проступают в новом произведении Смирнова.

«Открытие мира» — повесть о детских годах крестьянского мальчика Шурки, вырастающего в русской дореволюционной деревне. Мы помним эту деревню по гневным и страстным очеркам и рассказам Глеба Успенского. Мы помним обличительную силу толстовской «Власти тьмы». Мы помним, наконец, мрачную безысходность бунинской деревни.

В. Смирнов создает на том же материале светлую, оптимистическую вещь, своеобразный рассказ о радости жизни. Может быть, он приукрасил, идеализировал прошлое русской деревни? Нам кажется, нет. Мы видим в произведении трудный и горький быт русского дореволюционного крестьянства, и тем не менее высокое жизнеутверждающее начало пронизывает всю повесть Смирнова.

Советский писатель из нашего советского колхозного «сегодня» посмотрел на вчерашний черный день русского крестьянства. Он видит и то мрачное и тяжелое, что было в жизни русской дореволюционной деревни, то, о чем так правдиво поведали нам писатели прошлого. Но в то же время он уже иначе видит это прошлое. Оно лишено у него безысходного отчаяния и пессимизма.

Писателю открывается поэзия сельской трудовой жизни, радость познания, «открытия мира».

Вместе с героем — мальчиком Шуркой мы готовы с неутомимой ребячьей жадностью всматриваться в этот мир.

Сам художник влюблен в жизнь, и свежая радость его восприятия заражает нас. Именно поэтому с таким волнением и интересом мы погружаемся в шуркин мир: играем в «куру», путешествуем по лесу, деремся с тихонями, роем клады, слушаем сказки слепой бабки и т. д.

Глазами Шурки мы видим, как «в полях доцветает бледножелтыми и фиолетовыми гроздьями картофель, выбрасывает синюю тяжелую броню овес, молодецки распушил ячмень шелковистые усы. Лен словно нечаянно обронил блеклоголубые, сморщенные лепестки».

Действительность иной раз причудливо преображается в шуркином сознании, и в ней проступают черты сказки, идущей от русского фольклора. И мы верим Шурке, что, «если итти все вперед и вперед, туда, где падает небо на землю, можно найти облако. Оно лежит на луговине, как студень, свалившийся с неба, кусищем с амбар. На вкус облако соленое, и его ночью лешие хлебают ложками».

Мы готовы позавидовать Шурке, возвращающемуся с покоса на высоком возу с сеном: «Он на возу, как на облаке, лежит, запыхавшись, на животе и, вдыхая мягу, горечь и сласть волглой травы, плывет куда-то, тихо покачиваясь. Ничего нет над ним и вокруг него, кроме неба. Оно попрежнему недосягаемо высокое, золотисто-голубое и бесконечное. Края воза обрываются, как в бездну, оттого кружится немного голова... Сизая струйка дыма отцовой папиросы, не добравшись до Шурки, тает в воздухе».

Наряду с этим многоцветным, сверкающим и радостным шуркиным миром в повести возникает и реальный неукрашенный мир взрослых людей. Здесь происходят страшные и непонятные вещи: умирает от нужды и чахотки дядя Игнат, вешается разорившийся Косоуров, безземельные мужики дерутся на барском лугу из-за покоса. В мужике точно два человека сидит, по мнению Шурки: «В любом мужике словно сидела шуркина матка, надеявшаяся на хорошее, доброе, и шуркин раздражительный отец, не веривший ни во что, кроме плохого».

В целом ряде портретов взрослых Смирнову удается хорошо передать атмосферу предреволюционной деревни с ее мучительными поисками выхода из этой нужды и бесправия, с ее глухим, нарастающим протестом.

Дядя Родя, Ваня Дух, пастух Сморчок, отец Шурки, его мать, Афанасий Горев — целая галлерея деревенских портретов Смирнова — все это превосходно вылепленные образы, со своими характерами, повадками, речью. Если в пастухе Сморчке есть какая-то тихая мечтательность, то в дяде Роде—огромное чувство собственного достоинства, вера в иное и возможное устройство мира, зреющая сила. Эта сила только не нашла еще своего приложения.

Запоминается и ненадолго появляющийся в деревне Афанасий Горев — крестьянин, работавший на Обуховском заводе. Он приносит в деревню новое, революционное начало. Недаром так тянутся к нему мужики. А когда приезжают по следам Горева жандармы, все мужики, точно по уговору, дружно отнекиваются — не вел, мол, никаких речей Горев.

Постепенно раскрывается перед Шуркой сложный и противоречивый мир взрослых людей. Образ города Питера, который вначале рисовался Шурке, как кладезь несметных сокровищ, как место, из которого привозят подарки, тоже преображается в споре отца с Родионом.

Отец жалуется на свою трудную жизнь, на то, с каким трудом копит он в Питере каждый грош, чтобы принести его в свое обнищавшее крестьянское хозяйство.

«Вот он,—каков Питер, на самом деле. Никаких в нем пряников нет, и ружей нет, одни тухлые щи и городовые, которые взашей гонят». Вдруг тускнеет в сознании Шурки облик отца. Совсем он не тот герой и богатей, каким представлялся Шурке. Но все-таки непонятно, зачем он ест там немасляную гречневую кашу, а не пеклеванник с изюмом, а, главное, почему сдачу не дал, когда взашей гонят. Дядя Родя хохочет и треплет Шурку по белобрысой голове.

«Слышал? — обращается он к отцу.— Александр правду-матку режет!» Но далеко еще Шурке до этой большой взрослой правды. Повесть кончается отправкой отца на фронт. Проводив отца и наплакавшись вдосталь, «Шурка огнял у матери вожжи и намотал их себе на ладошки... Лютик почувствовал твердую, мужицкую руку нового хозяина, махнул хвостом и послушно побежал рысцой».

Так кончается повесть о шуркином детстве. И, кажется, что Смирнов начал своей повестью первую книгу большого романа о крестьянском сыне Шурке. Мы хотели бы видеть его отрочество и возмужание в канун революции и юность, совпавшую с юностью Советской страны.

В. Смирнов. «Открытие мира». «Звезда» №№ 11, 12. 1947 г.

КОРОТКО О КНИГАХ

1. ПОД ЗНАМЕНЕМ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ. Орел, 1947 год, 256 стр.

А. М. Горький неоднократно указывал, что у нас издается очень мало книг, показывающих, какие изменения произошли за годы советской власти в бывших царских губерниях. До сих пор это замечание Горького остается злободневным.

К тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции лишь в некоторых областных центрах вышли книги, освещающие эту важную тему. В числе этих городов — Орел.

Книга дает представление о превращении Орловской области из отсталой губернии в область передового, интенсивного сельского хозяйства и высокоразвитой промышленности.

Главы, рассказывающие об Орловщине в прошлом, о сражениях на территории губернии во время гражданской войны, об Орловской битве в 1943 году, о героических подвигах орловских партизан в борьбе против гитлеровских захватчиков, написаны ярко, насыщены содержательными фактами. Значительно бледнее выглядят главы, в которых речь идет о развитии промышленности, сельского хозяйства и культуры в Орловской области. Сам принцип изложения (строго по отраслям хозяйства) вызывает возражение. Материал дробится по отделам (транспорт и связь, советская торговля, культурно-просветительная работа и т. п.), целостной картины развития народного хозяйства области не получается. Другое дело—заключительная глава «Наша область в послевоенной пятилетке». Здесь все сведения суммированы и убедительно показывают, какие прекрасные перспективы раскрываются перед Орловской областью в недалеком будущем.

Сборник мог быть значительно лучше. В нем очень много статистических данных, цифровых сведений, но мало описаний, сравнений, анализа, очерков. Чувствуется, что составлялся он без участия опытных писателей.

В. НОВИКОВ

2. УКРАИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ. Детгиз, 1947 год, 157 стр.

В сборник включены лучшие и наиболее доступные маленькому читателю украинские сказки.

Положительный герой этих сказок — всегда человек из народа, большей частью крестьянин, непременно бедняк, иногда батрак. Он пригож, смел, силен, бескорыстен и справедлив, он защитник слабых и угнетенных, беспощаден к врагу.

Кирилл Кожемяка оставался глух к просьбам князя, но пошел на бой с лютым змеем после того, как его попросили об этом маленькие дети. Пленителен образ Покатигорошка, соединяющий легендарную силу с нежностью и бескорыстием.

В некоторых сказках мы находим мотивы непримиримой розни между слугами и барином, крестьянами и помещиком, царем и человеком из народа. Даже двум братьям невозможно сговориться, если один из них богат, а другой беден («Правда и Кривда»).

Сказки о животных насыщены меткими характеристиками, полны юмора и являются увлекательным чтением для наших ребят.

Книжка составлена из произведений подлинно народных, отличающихся национальным колоритом.

Вспоминаются многие подделки под народный стиль, в частности, вышедшие в 1909 году «Малороссийские сказки», бесцеремонно приспособленные Кл. Лукашевич к мещанским вкусам и понятиям. Добродетельная падчерица из сказки «Лошадиная голова» вознаграждалась тем, что сидит, как панночка, пышно одетая, а около нее служанка да слуги увиваются, в глаза смотрят. Лишив сказки подлинной народности, Лукашевич придала им псевдонациональный колорит, густо уснастив неуместными украинизмами.

Украинские народные сказки, изданные Детгизом, переведены отлично, — особенно надо отметить работу Е. Благининой, которой удалось ярко воспроизвести образность оригинала.

Книжка иллюстрирована Рачевым, хороши рисунки животных.

Детгизом намечен к изданию еще один сборник, в который войдут образцы современных украинских сказок.

Е. ГОРОДЕЦКАЯ

Советская быль и американские сказки

Геннадий ФИШ

1. О колосе, золотом веке и клевете

С чего начать? С описания ли холодной зимы сорок первого года, гулких заледеневших зал дворца на Исаакиевской площади в Ленинграде, или с письма безграмотного американского бизнесмена Шеффера? С рассказа о девяносто девяти тысячах посылок, отправленных ВИР'ом * в сорок шестом и в сорок седьмом годах через Ленинградский почтамт, о мечте Мичурина, воплощенной его учеником, о братской дружбе нашей с народами Югославии, о благородном подвиге ученых Ленинграда, или с рассказа о клевете на них, возведенной английскими учеными?

Во время войны английский биолог Джулиан Гексли выпустил книгу под названием «Эволюция». В этой книге он утверждает, что прогрессивная эволюция животных и растений существовала лишь в прошлом. Будущее, по мнению Гексли, бесперспективно.

Вот с этого-то Джулиана Гексли, ставшего председателем комитета по делам науки и культуры организации Об'единенных наций, мы и начнем наш рассказ.

В книге своей он пишет: «Эволюцию можно себе представить, как ряд слепо кончающихся ветвей. Прогресс висит на одной единственной нити». Нить эта, с которой «еще не все покончено», — человеческий род. Но и человеку, печально вещает буржуазный ученый, грозит вырождение, «пока наш род продолжает придерживаться современного способа размножения». Чтобы избежать вырождения, английский биолог предлагает разделение двух функций пола. Он предлагает отделить любовь от размножения и отныне для продолжения человеческого рода употреблять половые клетки лишь немногих высокоодаренных самцов... Он предлагает людям применять искусственный отбор, совершенно такой же, какой применяют в животноводстве для выведения лучших пород скота. О нет, он не сочувствует фашистам! Он удивился бы, если бы кто-нибудь обвинил его в фашизме. Он даже «сочувствует» социалистическим идеям. Он полагает, что таким образом, и, пожалуй, только таким образом, легче всего было бы привести к коммунизму общество, пронизанное себялюбием, эгоизмом, корыстолюбием. Выдавая свои слова за последнее слово науки, он утверждает, что, применяя коннозаводческие приемы к роду человеческому, «можно было бы получить настоящие касты и по крайней мере некоторые из них наделить альтруистическими и коллективистскими качествами». Ныне же, по мнению Гексли, природа человека не допускает ни альтруизма, ни коллективизма.

Таково это якобы научное обоснование реакционнейших платоновских утопий.

Если судить по семье самого Джулиана Гексли, то эволюция человеческого рода действительно зашла в тупик. Дед его — Томас Гексли, соратник великого Дарвина, называл себя с гордостью «сторожевым псом дарвинизма», борцом за идею развития живой природы. А его внук провозглашает тупик эволюции, мечтает о человеководстве и отрицает наличие в самой природе человека коллективизма и альтруизма.

Не так давно он побывал в Советском Союзе — ознакомился с постановкой дела в наших научно-исследовательских учреждениях, побывал на собраниях ученых, на юбилейной сессии Академии наук СССР и имел возможность узнать и увидеть все, что его интересовало.

Но, вернувшись в Англию, в одном из самых распространенных научных журналов—журнале «Nature» (т. 156, № 395 стр. 254—256) черным по белому он написал: «Я не имел времени узнать, что случилось с замечательной программой работ по эволюции и генетике с.-х. растений, **знаю** только то, что часть коллекций семян, оставленных в Ленинграде, была с'едена во время осады».

Так и пишет: **знаю...**

* Всесоюзный институт растениеводства.

Коллекции семян, собранной трудами экспедиций советских ученых, нет в мире равной... Одних только образцов пшеницы, собранных со всех концов земного шара—из юго-западной Азии, горного Китая, Средиземноморья, Абиссинии, Южной Америки, всего Советского Союза и свыше семидесяти других стран, — в коллекции насчитывается тридцать восемь тысяч! А вместе с образцами ячменя и овса число это достигает семидесяти тысяч...

Коллекция эта имеет не только музейное значение. Это не гербарий, а живые семена — образцы, собранные в коллекции, служат исходным материалом для работы множества селекционных станций Советского Союза.

И вот эти-то несколько тонн бесценного коллекционного зерна в дни блокады с'едены работниками института! Ибо как можно не верить председателю комитета по делам науки и культуры организации Об'единенных наций, известному английскому биологу, который к тому же с таким «сочувствием» относится к советских ученым! Ведь он даже и не думает порицать их. Разве не вполне естественно, что голодающие люди с'ели единственную в мире коллекцию, если чувство альтруизма и коллективизма можно привить людям лишь в результате длительного выведения специальных людских пород?

И раз пущенная клевета пошла гулять по миру.

Биолог Харланд (о работе которого по хлопку мы писали в «Литературной газете» в статье «Освоение путем присвоения») и Дарлингтон, о котором речь пойдет потом, «уточняют» сообщение Гексли. Они пишут: «Остатки коллекции были с'едены голодающим населением» *. Дескать, погибла сначала лишь часть коллекции, а затем и остатки ее были с'едены голодающим населением.

Сознание человеководов не может подняться до понимания подвига.

А спасение коллекции, о которой идет здесь речь, было подлинным подвигом ленинградских ученых. И если из-за скромности героев подвиг до сих пор оставался в тени, то бесстыдство клеветников должно сделать его известным далеко за стенами дворца, в котором помещается Всесоюзный институт растениеводства.

2. О «королеве пшеницы», битве за Тихвин, самолете с семенами кок-сагыза и утерянной диссертации

На полях еще дозревали опытные селекционные, контрольные посевы, когда в город Пушкин, где находилась опытная база ВИР'а, ворвались фашисты. Спасаясь от немцев, пешком пришли в Ленинград сотрудники ВИР'а.

Среди них были худенькая старушка Евдокия Федоровна Пальмова и быстрый, живой Николай Георгиевич Хорошайлов.

Из Павловска пришел ученик Мичурина, остролицый и сухощавый Тетерев.

Евдокия Федоровна всю свою жизнь отдала науке и народу. Когда мысленно в эти дни она вспоминала свой долгий жизненный путь, ей приходило на ум, что данное ей шутливое прозвище «королева пшеницы» возникло недаром. Ведь два самых распространенных в мире сорта твердой пшеницы — «меланопус 069» и «гордеиформе 189» — выведены ею—детище ее рук, разума, души, так же, как и самый засухоустойчивый сорт «эритроспермум красноzерка 0841». Созданные ею сорта занимают площадь, равную территории нескольких европейских стран. Но так устроено жадное сердце настоящего человека, что сколько бы он ни сделал, ему всегда хочется сделать еще и еще. И Евдокия Федоровна в то лето работала над созданием сорта неполегающей высокоурожайной пшеницы для Ленинградской области.

* «Nature», т. 156, стр. 622.

Теперь ее делянки и поля вытоптаны сапогами фашистских солдат и перечерчены гусеницами немецких танков, и она, вместе с Моисеем Марковичем Якубцинером, заведующим коллекциями пшеницы, только что закончившим свою диссертацию в двадцать печатных листов «К познанию рода тритикум» *, принялись готовить коллекцию к эвакуации.

— А мы никак не могли примириться с тем, чтобы ехать на восток!—рассказывает про себя, про ученого специалиста по травам Хорошайлова и про специалиста по субтропикам и цитрусам Андрея Лусса Филипп Тетерев.

Да и как он мог уезжать куда-то в даль от Павловска, от опытного питомника института, когда там оставалось сердце его, его работа для народа — деревца, которые не выкопаешь, не перевезешь сразу в другое место, оставалась уже почти воплощенная им в жизнь мечта Мичурина, которою великий ученый, незадолго перед смертью зажег задорного комсомольца Филю Тетерева.

И вот трое товарищей пошли в военкомат, чтобы вступить добровольцами в Красную Армию. По неопытности они показали вложенные в воинские билеты листки, в которых говорилось о том, что они, как научные работники, имеющие ученые степени, не подлежат призыву. Им отказали в приеме.

В следующий раз они перехитрили райвоенкомат, скрыли листки-брони и вступили рядовыми бойцами в Красную Армию... Все трое стали отличными минерами и дрались на подступах к Ленинграду. Когда враг ворвался в Тихвин, стремясь замкнуть блокаду вторым кольцом, Тетерев, Хорошайлов и Лусс вместе со всей дивизией были переброшены на самолетах туда, где шли отчаянные бои за каждую пядь болотистой, промерзшей, лесистой и бесконечно дорогой им земли.

Там-то нам и довелось воевать вместе, в одних частях оперативной группы, возглавленной маршалом Мерецковым.

Эти бескрайние хвойные леса с ветвями, которые смыкаются над дорогой, образуя лесные тоннели! Эти болота, не замерзающие под снегом! Тоскливый вой шестиствольных немецких минометов! Свирепый холод, ударивший с десятых чисел ноября! Бои за каждый перекресток дороги и обледенелые буханки черного хлеба!

Нет, никогда не забыть нам, как, сокрушив немецкие части, мы устремились к Волхову через леса, через занесенные снегами болота, по бездорожью, прорубая в чаще колонные пути, волоча за собой артиллерию, совершив то, что казалось невозможным совершить человеку. Петля, захлестнувшая Ленинград, была разорвана. В этих боях в лесах, занесенных снегом, смертью героя погиб ученый — специалист по субтропикам и цитрусам Андрей Иванович Лусс. И в декабре к Киришам— к новым исходным позициям—из трех товарищей пришли только двое: Тетерев и Хорошайлов.

Трасса жизни, проложенная по льду Ладожского озера, теперь стала прифронтовой дорогой, и Тетерев с Хорошайловым могли встретить на ней полузамерзших, изнемогших от голода, прикрывающихся от леденящего ветра кусками ломкого на холоде брезента, — своих товарищей из ВИР'а.

Но это был уже январь сорок второго года. А мы оставили их в августе в Ленинграде. Там, во дворце ВИР'а, в то время кипела напряженнейшая работа. Все образцы пшениц, ячменей, овсов, проса и других культур были разделены поровну на две части. Одна оставалась на стеллажах, в блестящих жестяных продолговатых коробках, другая предназначалась для эвакуации в далекий тыл, в Приуралье, в Красноуфимск, где должен был временно разместиться институт.

(Продолжение следует)

* Triticum — пшеница.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЯ ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ

ЛЕНИНГРАД. (От наш корр.). Полностью восстановлен музей Института литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. В музее открыты залы, посвященные А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Н. В. Гоголю, И. С. Тургеневу, Л. Н. Толстому, А. М. Горькому.

К 80-летию со дня рождения А. М. Горького (28 марта) музей приурочивает открытие новой экспозиции: «Горький — организатор советской литературы», «Горький — основоположник социалистического реализма» и «Последний роман А. М. Горького — «Жизнь Клима Самгина».

Живые люди и мертвые схемы

Сергей ЛЬВОВ

Роман Веры Кетлинской «В осаде» посвящен героической обороне Ленинграда. Его действие начинается в августе 1941 года и заканчивается весной 1942 года.

По широте охвата событий роман выделяется из всех появившихся до сих пор произведений на эту тему.

Оборонительные бои Советской Армии и народного ополчения, первые шаги партизанского движения в оккупированных немцами районах, работа танкового завода в осажденном Ленинграде, воздушные бои в ленинградском небе, блокадные будни, Ладожская трасса, первые предвестники победы — бои за Волхов, Тихвин, Мгу —таковы разнообразные стороны ленинградской эпопеи, изображение которой составляет содержание романа.

Люди мирных профессий, под огнем врага превращающиеся в солдат, шоферы, в морозы и метели ведущие машины по дороге жизни — Ладожской трассе, рабочие, под артиллерийским огнем в полуразрушенных цехах ремонтирующие танки, бойцы команд ПВО, члены бытовых отрядов — всех этих героев обороны Ленинграда стремится автор показать в своем новом романе.

Лучшие страницы романа рассказывают о массовом героизме ленинградцев Запоминаются сцены сооружения баррикад, волнуют картины эвакуации танкового завода на Урал, эпизоды формирования роты ленинградских пролетариев, борьбы женщин и подростков с пожарами, празднование Октябрьской годовщины или встреча Нового года в осажденном городе.

Действующие лица этих эпизодов подчас даже не названы по имени, как не назван седой рабочий — боец роты ленинградских пролетариев, но и в нескольких строках виден живой образ.

«Пегов подошел к седому рабочему, открывшему список добровольцев.

— Куда же ты, отец, воевать собрался? Тяжело будет, сердце, наверно, да и ноги... Тебя, пожалуй, на заводе полезнее оставить будет.

— Сердце мое, товарищ Пегов, здоровое, только злое сейчас. А старости для коммуниста не бывает. Старость будет, если немецкая сволочь на шею мне сядет и погонять начнет».

Применяя привычную терминологию критических статей, нужно было бы сказать о двух группах героев романа — о главных и о второстепенных действующих лицах. Но по отношению к последним название «действующие лица» применять не хочется. Они написаны так, что воспринимаются как живые люди: мастер Солоухин, который работал, пока работал завод, и слег, когда завод остановился, пожилая домохозяйка Григорьева, возглавляющая спасательную бригаду («здесь еще больше и лучше подошел ее характер—доброта и жалостливость, соединенные с упрямой волей, и привычка к простой, понятной работе, дающей немедленный результат»), не названная по имени вдова, оставшаяся с тремя детьми, но без отказа выходящая на уборку города.

Их личные судьбы связаны с судьбой завода или обычного ленинградского дома, превращенного в оборонительный об'ект.

Но, кроме них, в романе есть и главные герои: Мария Смолина и капитан Каменский, любовная история которых составляет фабулу произведения.

Архитектор Мария Смолина во время блокады остается в Ленинграде. Сперва она руководит постройкой баррикад, потом становится начальником штаба обороны об'екта. Здесь, прошедшая через все испытания блокады, она вступает в партию. Ее биография — это живая жизнь ленинградки. Но внутреннее напряжение этой жизни показалось писательнице недостаточно драматичным для построения сюжета. Волею автора Мария Смолина из живого человека превратилась в «действующее лицо» условной сюжетной схемы. Вместо того, чтобы раскрыть внутреннее богатство этого образа, внутреннее движение и рост этого человеческого характера, писательница искусственным приемом усиливает его «положительность», изображая для контраста мужа Смолиной обывателем, убоявшимся опасности и фактически дезертировавшим из Ленинграда.

Второй главный положительный герой романа — капитан Каменский получает в жены ничтожную женщину, изменяющую мужу во имя материальных благ. Отказавшись — одна от недостойного мужа, другой — от недостойной жены, Смолина и Каменский находят друг друга.

Каменского В. Кетлинская не просто втискивает в симметричную схему условного сюжета; она делает его совершенно одиноким среди других офицеров, изображенных в романе. Он—единственный офицер, который с первых дней обороны живет мыслью о наступлении. В полном одиночестве, борясь с противодействием начальника штаба, с инертностью командира полка, с медлительностью командира дивизии, разрабатывает он план неожиданного удара по противнику. Только командующий фронтом оказывается в состоянии понять и одобрить план Каменского.

Среди положительно изображенных офицеров нет ни одного, кто подобно Каменскому разбирался бы в обстановке, был бы наделен таким же широким и ясным политическим кругозором.

Образ истребителя Мики (!) Вихрова — вариация на тему плохого очерка о летчике-ухаре, осознавшем во время войны необходимость суровой дисциплины. Разумеется, курсантом он пролетает под железнодорожным мостом, разумеется, сидит за это на гауптвахте! Сколько раз, в скольких повестях и рассказах повторен, перепет, заштампован этот эпизод из жизни Чкалова! Насквозь условно и литературно описание его романа с Соней. Любимую девушку он представляет себе героиней романа Бульвер Литтона (!), обещает ей свадебную поездку в Гонолулу (!).

Единственный, кроме Каменского, серьезный офицер моряк Гладышев в романе не действует. О его мыслях мы узнаем из отрывочных записей дневника, по форме напоминающего дневник подростка, очень умного, очень хорошего, но подростка, а не зрелого командира.

Итак, Каменский оказывается единственным думающим, действующим, образованным офицером в романе. Вместо того, чтобы сделать образ главного героя типичным, писательница сделала его одиноким, наделила его чертами исключительности. Если добавить, что Каменский — офицер запаса, вчерашний учитель истории, на протяжении романа несколько раз противопоставляется кадровым офицерам, то неизбежно приходится сделать вывод, что Советская Армия изображена в романе принципиально неверно. Это может быть об'яснено отчасти поверхностным представлением автора о Советской Армии, отчасти и тем, что стремление литературными приемами выделить, возвысить образ главного героя оказалось сильнее правды жизни.

В. Кетлинская стремится оттенить образы положительных героев контрастирующими образами героев отрицательных и не задумывается при этом, типична ли такая фигура, как Трубников — председатель райисполкома, который бросил свой район и организующийся в нем партизанский отряд, бежал из Ленинграда, оставив в районе сестру, а в городе жену и сына. Когда Мария, не понимая еще всей глубины его падения, говорит ему о качествах русского человека, он, председатель исполкома, член партии, обрывает ее словами: «Это все лирика! Сейчас не до болтовни!» Возможен ли такой случай в жизни? Возможен. Был ли он типичен? Разумеется, нет! Однако В. Кетлинская делает Трубникова не одиноким в романе. Капитан Каменский, мотивируя свой план наступления, говорит: «Есть такие моральные факторы, как Ленинград, как национальная и советская гордость». Начальник штаба возражает ему: «Вам надо выступать на митингах... Я же привык говорить о военных операциях военным языком. А разговор о моральных факторах...

— У нас Отечественная война.

— Я не думаю, чтобы это слово заменяло самолеты и танки».

Быть может, образы Трубникова и начальника штаба случайны в романе?

Но вот работник райкома партии Акимов. Он убегает из партизанского отряда.

Вот студент Митя Кудрявцев. Дважды встречает его Мария в первые тяжелые дни оборонительных боев, и дважды перед ней предстает человек деморализованный, растерянный, перетрусивший. Впоследствии, по воле автора, он становится отличным солдатом. Но читатель до конца романа не забывает его панического вопля: «К черту!.. К черту, уходите. Ломайте все!»

Случайные, не отобранные, а, значит, не типичные, грешащие против правды жизни детали определили изображение жизни партизанского отряда. Его руководитель — секретарь райкома партии Гудимов — плохо разбирается в людях. У Гудимова нет определенного плана действий, более того, — в глубине души он находится во власти сомнений—много ли они смогут сделать «шестнадцать человек против металлических чудовищ, от которых тяжелый гул стоном идет по земле?» Не веришь в образ этого руководителя, которого только случайная встреча с колхозницами приводит к мысли о необходимости установления связи с населением.

Изображение партизанского отряда производит впечатление удивительной недостоверности. Партизанка Ольга Трубникова, выполняя задание Гудимова, не соблюдает элементарных правил конспирации.

«Ей не следовало признаваться в знакомстве с Гудимовым, но было так приятно говорить о нем, признаться случайной подруге в том, в чем она не признавалась и самой себе». И Вера Кетлинская хочет, чтобы мы поверили в такую партизанскую разведчицу!

Когда по ходу романа становится необходимым показать, как отряд Гудимова из лишенной руководства и помощи изолированной группы людей стал большой грозной силой, это делается при помощи поверхностной скороговорки:

«Все пережитое за последние месяцы осталось позади: страшные скитания по лесам и неравные бои с преследующими по пятам карателями, голодная мучительная жизнь в лесных чащах в наскоро отрытых землянках... Рост отряда, встреча с другим партизанским отрядом и создание партизанской бригады. Крупный налет на концлагерь и освобождение сотен советских людей, томившихся в плену. Вытеснение немцев из большого района, отдаленного от железных дорог, и создание партизанского края, где жизнь шла по советским законам и обычаям...» и так далее, все тем же невыразительным, серым языком.

Там, где В. Кетлинская шла от точного знания, от внимательного изучения жизни, там появились волнующие, правдивые страницы о героизме блокадных буден. Там, где она вступала на проторенную дорогу построенного на внешних контрастах сюжета, там, где точное знание подменялось общим поверхностным (даже не из книг, из очерков) представлением о предмете, там живые люди превращаются в «действующих лиц», приводимых в движение не внутренней логикой характера и событий, а плохо скрытыми композиционными веревочками.

Советская действительность богаче традиционных сюжетных схем. Образ советского человека не может быть выражен условными, нарочитыми литературными приемами.

Вера Кетлинская. «В осаде». «Звезда», 1947 г. №№ 6, 7, 8, 9, 10.

Адвокаты идеализма и низкопоклонства

Н. ГРЕКОВ

Книга В. Г. Сахновского «Мысли о режиссуре» стала, как и следовало ожидать, предметом спора. Жаль только, что газета «Советское искусство» заняла в этом споре весьма странную позицию, взяв на себя неблагодарную задачу защиты идейных ошибок В. Г. Сахновского от справедливой и принципиальной критики.

Уважение к памяти крупного режиссера, немало сделавшего для развития советского театра, требует от нас не прикрашивания слабых сторон его посмертно вышедшей книги, а об'ективной и принципиальной оценки.

Достоинства книги В. Г. Сахновского очевидны. Как и было признано в моей статье («Литературная газета» от 14 января 1948 г.), это во многом интересная, живая, творческая книга. Первая заслуга В. Г. Сахновского состоит в том, что он рассматривает режиссера, прежде всего, как самостоятельного художника. В. Г. Сахновский показывает, как настоящий большой режиссер становится подлинным автором спектакля, отнюдь не противопоставляя себя ни драматургу, ни актерам.

Чрезвычайно интересны, хотя и не бесспорны, размышления автора книги о композиции, стиле, образе, жанре спектакля.

Разносторонняя эрудиция автора, несомненный литературный дар, влюбленность в свою профессию — все это умножает достоинства последнего труда В. Г. Сахновского.

Однако книге В. Г. Сахновского свойственны крупные идейные ошибки. Эти ошибки не были отмечены во вступительной статье редактора книги Н. Горчакова. Они не были подвергнуты критике в статье В. Комиссаржевского «Режиссер-художник» («Советское искусство» от 27 декабря 1947 г.). Эти ошибки, наконец, были взяты под защиту в статье Л. Малюгина «Честность и принципиальность — обязательны» («Советское искусство» от 17 января 1948 г.).

Что это за ошибки? Во-первых, аполитичность и уклонение от проблемы сценического воплощения современности. Во-вторых, идеалистическое об'яснение ряда вопросов художественного творчества. В-третьих, явное предпочтение, которое автор книги отдает изобразительному искусству Запада перед отечественным изобразительным искусством.

Книга В. Г. Сахновского является теоретическим отражением того самого пренебрежения к современной теме, которое было так резко осуждено в известных решениях ЦК ВКП(б).

В. Г. Сахновский нигде не говорит о театре, как об оружии в идейной борьбе, в коммунистическом воспитании народа. Не говорит он об этом потому, что сам был далек от понимания партийности искусства.

В. Г. Сахновский нигде не говорит о необходимости для советского режиссера овладеть марксистско-ленинским мировоззрением. Не говорит он об этом потому, что сам был далек от философии марксизма.

К решению целого ряда проблем художественного творчества он подходит с идеалистических позиций. В. Г. Сахновский утверждает, например, что «в искусстве спор должен быть постоянно именно потому, что художником изображен мир, как он его видит». Развивая эту свою мысль, автор ссылается на импрессионистическую картину Клода Моне «Улица», в рисунке которой, по его собственному признанию, «ничто не соответствует форме, известной нам из природы». Таким образом, мир, каким его видит художник, противопоставляется миру, каков он есть. Это ли не идеализм чистейшей воды?

Методологические ошибки, допущенные В. Г. Сахновским, ясны каждому, кто оценивает книжку с партийных, марксистских позиций.

Почему же Л. Малюгин, признав в своей статье, что «есть в книге спорные положения, суб'ективные оценки, даже противоречия», не пожелал вступить в спор с автором книги, а избрал, если воспользоваться, по его примеру, юридической терминологией, адвокатскую позицию?

Недопустимую путаницу вносит статья Л. Малюгина в крайне важный и достаточно ясный вопрос о проявлении низкопоклонства перед Западом. Фактически его статья, пытающаяся всячески дискредитировать критику проявлений низкопоклонства, является выражением настроений отсталой части нашей интеллигенции, не понимающей всей политической важности борьбы, которую ведет наша партия против преклонения перед западной культурой в ущерб культуре отечественной.

«Мы должны непримиримо и последовательно бороться, — пишет Л. Малюгин, — с низкопоклонством перед западной культурой, которое имеет глубокие корни». Действительно, самый факт появления статьи Л. Малюгина показывает, что низкопоклонство «имеет глубокие корни».

Сразу же после своей декларации о том, что «мы должны непримиримо бороться...» и т. д., Л. Малюгин вопрошает: «Но значит ли это, что мы должны изолироваться от всей мировой культуры?!» Вопросительный и восклицательный знаки должны здесь, повидимому, передать всю силу негодования автора. Успокойтесь, тов. Малюгин. Никто, насколько нам известно, не связывал и не собирается связывать борьбу против низкопоклонства с призывом изолироваться от всей мировой культуры.

Впрочем, вы сами это прекрасно понимаете, и все ваше деланное негодование призвано лишь **подменить** вопрос о борьбе с низкопоклонством вопросом об освоении мировой культуры и об уважении к классическому наследию. Подобная подмена одного вопроса другим представляет собой негодную попытку опорочить принципиальную критику конкретных проявлений низкопоклонства.

Следующий демагогический прием тов. Л. Малюгина заключается в том, что он начисто сводит вопрос о низкопоклонстве только лишь к преклонению перед современной буржуазно-мещанской культурой. Известно, между тем, что проявления низкопоклонства многообразны, и, в частности, они сказываются в демонстративном предпочтении западной культуры и игнорировании культуры отечественной.

Об этом и шла речь в моей критической статье о книге В. Г. Сахновского «Мысли о режиссуре».

Л. Малюгин пишет: «Греков обвиняет Сахновского в низкопоклонстве только на том основании, что тот упоминает иностранных художников». Но ведь это грубая, бесцеремонная передержка! На самом же деле в статье говорится: «Особенно досадно, что русский режиссер в своей книге, обращенной к советской молодежи, неизменно ищет образцы подлинного искусства **только** в западной живописи, **только** в западной архитектуре».

Каждый, кто внимательно и беспристрастно прочел книгу В. Г. Сахновского, согласится с тем, что этот упрек вполне основателен и справедлив.

Каждый раз при решении проблем режиссуры автор обращается **исключительно** к западным художникам. Идет речь о профессии режиссера, — автор заговаривает о пейзажах Якоба Рейсдаля. Определяется стиль спектакля, — автор вспоминает о батальной живописи Бургиньона. Разрешается проблема композиции спектакля, — автор привлекает офорты и гравюры Пиранези. Заходит разговор об образе спектакля, — автор подкрепляет свою мысль рассуждением об импрессионизме Моне. Затрагивается проблема сценических жанров, — автор начинает главу с описания садов Ленотра. Примеры этого рода можно было бы продолжить.

Само собой разумеется, что нет ничего предосудительного в самом факте привлечения примеров из западной живописи: это лишь расширяет культурный кругозор читателей. Но не может не вызвать у читателя законного недоумения то обстоятельство, что автор книги фактически пренебрегает великой русской школой живописи. Он ни разу, если не считать беглых упоминаний о Врубеле и Репине, не пожелал обратиться за подтверждением своих мыслей об искусстве к великим русским художникам. Неужели и впрямь в русской живописи не нашлось бы материала для размышлений о стиле, композиции, образе, жанре и т. п.? Все это тем более досадно, что В. Г. Сахновский отлично знал русское искусство.

Бесцеремонно приписывая автору статьи, помещенной в «Литературной газете», вульгарные и примитивные взгляды, придуманные самим тов. Л. Малюгиным, последний пишет: «Если следовать примитивным взглядам Грекова, то в низкопоклонстве можно обвинить посетителей музея им. Пушкина в Москве и ленинградского Эрмитажа». Какой вздор! Но что бы вы, однако, сказали, тов. Малюгин, о человеке, который настоятельно уговаривал бы вас познакомиться с богатствами музея им. Пушкина и при этом упорно умалчивал бы о том, что в Москве существует Третьяковская галлерея?

В моей статье отмечалось, что В. Г. Сахновский, перечисляя выдающиеся образы, созданные великой русской актрисой Ермоловой, не называет ни одной ее роли в русском репертуаре, в частности, в пьесах Островского. Л. Малюгин и тут берет под защиту непростительное игнорирование русского национального искусства. При этом он не останавливается даже перед прямым извращением истории. «Об уровне знания театра Грековым, — пишет он, — свидетельствует хотя бы тот факт, что, по его утверждению, Ермолова потрясала сердца зрителей своим исполнением роли Катерины из «Грозы» Островского. Каждый студент театрального института мог бы раз'яснить Грекову, что роль Катерины была одной из самых неудачных у Ермоловой. Она сыграла эту роль в срочном порядке, заменив заболевшую актрису».

Нужно сказать, что это просто поклеп на наших студентов! Мы не знаем, кто именно из студентов театрального института поведал Л. Малюгину приведенные им сведения о Ермоловой в роли Катерины, но не сомневаемся в том, что студент этот получил бы двойку по истории русского театра от самого снисходительного профессора.

Профессор раз'яснил бы незадачливому студенту, что Ермолова многие годы готовилась к роли Катерины и еще в школе выучила эту роль. В журнале «Будильник» в 1873 году была даже помещена картинка, изображавшая М. Н. Ермолову с «Грозой» в руках и целый сонм старых исполнительниц роли Катерины, которые, навалившись на дверь, не пускали молодую актрису на сцену. 10 июля 1873 года, когда заболела (по другим данным — выехала из Москвы) Г. Н. Федотова, двадцатилетняя Ермолова после трех репетиций была введена в спектакль и впервые сыграла роль Катерины. И это Л. Малюгин называет «сыграть роль в срочном порядке»!

Первое исполнение роли было далеко не последним. Ермолова играла эту роль много лет подряд в очередь с Г. Н. Федотовой и рассталась с ней только тогда, когда, по ее собственным словам, стала замечать, что роль делается уже тяжелой, что уже нехватает восторга и чистоты молодых чувств.

Первый биограф актрисы пишет, что роль Катерины «давала большой простор для исключительно сильного артистического темперамента великой артистки, для скорбного экстаза, и отдельные моменты исполнения произвели впечатление чрезвычайное, **потрясли** зрителя» (см. книгу М. Лучанского «Ермолова», стр. 20).

Г. Гоян в своей монографии «Гликерия Федотова» признает, что «силой своего трагедийного дарования Ермолова в целом превзошла Федотову в роли Катерины» (стр. 133). В другом месте он говорит, что «Ермолова **потрясала** театр в последних сценах «Грозы» (стр. 138).

Т. Л. Щепкина-Куперник пишет в своей книге о М. Н. Ермоловой, что «в ранней юности своей она любила «Грозу» и, если судить по отзывам газет, играла ее прекрасно».

Таким образом, утверждение, что Ермолова в роли Катерины потрясала сердца зрителей было вполне обоснованным, а Л. Малюгин, поторопившийся уличить меня в невежестве, сам проявил, мягко говоря, крайнюю неосведомленность в истории русского театра.

Хуже всего, однако, то, что Л. Малюгин, одним взмахом пера вычеркнув из истории русского театра такое знаменательное явление, как Ермолова — Катерина, фактически поддерживает всех тех, кто пытается изобразить М. Н. Ермолову, сыгравшую в пьесах Островского 18 ролей, актрисой исключительно иностранного репертуара, кто хотел бы противопоставить великую русскую актрису великой русской драматургии.

Весьма своеобразный способ цитирования применяет Л. Малюгин в своей статье. Так, например, он в доказательство того, что Сахновский «выступает в своей книге не только страстным и последовательным пропагандистом русского искусства, но и открыто полемизирует с современным западным театром», приводит большую цитату из книги и в том числе такую фразу: «Как интересно... посмотреть произведения Греко или Бернини!» Многоточием, как известно, обозначается пропуск в цитате. Не подумайте, однако, что Л. Малюгин сделал купюру в цитате из соображения экономии места: пропущено им всего три слова. У Сахновского сказано: «Как интересно **поездить по Европе** и посмотреть произведения Греко и Бернини!» Что же вы, тов. Малюгин, убоялись привести слова «поездить по Европе»? Видимо, не очень-то вы сами уверены в своей правоте, если решаетесь в полемической статье на такие трусливые купюры.

Главный свой козырь Л. Малюгин приберег к концу статьи.

«Наконец, самая грубая ошибка Грекова, — торжествует Л. Малюгин. — Он (Греков) цитирует высказывание Сахновского о Станиславском: «колоссальный опыт, накопленный до него в европейском театре, был им переработан и закреплен в ряде постановок и в сформулированной им системе работы с актерами». На основании этого высказывания Греков пишет: «Позволительно ли так преувеличивать влияние европейской режиссуры (уж не мейнингенцев ли!) на Станиславского?» С каких это пор Россия — не Европа, русская культура — не европейская культура? Видимо, Греков считает Россию — азиатской страной, а русскую культуру — азиатской культурой. Это — ошибка не только географическая, но и политическая».

Нетрудно убедиться в том, что вся эта цепь силлогизмов покоится на весьма шатком основании. Когда Сахновский пишет о европейском театре, он имеет в виду театр западноевропейский и не включает в это понятие русский театр. Он, например, пишет в своей книге о «батальном жанре, имевшем в прошлом европейского и нашего театра ряд блестящих образцов». Характерно, что он пишет не «в том числе и нашего», а именно «и нашего».

Следовательно, у меня были опять-таки все основания упрекнуть Сахновского в преувеличении влияния иностранной режиссуры на творчество Станиславского и в том, что он «обходит предшественников Станиславского на русской сцене».

Кстати, непонятно пренебрежительное высокомерие, с которым тов. Л. Малюгин говорит об азиатской культуре. Что же касается политики, то умалчивать о достижениях русской культуры и только подразумевать их в упоминаниях о культуре европейской, по нашему убеждению, — дурная, вредная, непартийная политика.

Выступление «Советского искусства» в защиту серьезных идейных ошибок книги В. Г. Сахновского является не чем иным, как попыткой дискредитировать критику идеалистических извращений и проявлений низкопоклонства перед западной культурой.

В Союзе советских писателей

Состоялось отчетно-выборное собрание секции прозы Союза писателей. После доклада Константина Федина, рассказавшего о годовой работе секции, развернулись прения, в которых приняли участие Н. Атаров, С. Злобин, А. Чаковский, Л. Субоцкий, О. Черный, Л. Лагин, М. Чарный и Ф. Левин.

Избрано новое бюро секции, в состав которого вошли: Конст. Федин (председатель), Ю. Либединский, К. Паустовский (заместители председателя), А. Чаковский (ответственный секретарь), Н. Атаров, М. Бубеннов, Н. Емельянова, Е. Златова, Э. Казакевич, Л. Лагин, Т. Семушкин, А. Тихонов, Ген. Фиш, М. Чарный и М. Шагинян.

* * *

Собрание секции научно-художественной литературы Союза писателей, состоявшееся 23 января, было посвящено памяти писателя, ученого и общественника В. Арсеньева.

О встречах с автором «Дерсу Узала», о его месте в советской художественной литературе рассказали М. Пришвин, посвятивший Арсеньеву свою повесть «Жень-Шень», Н. Емельянова, В. Лидин, И. Рахтанов, В. Шкловский, Н. Михайлов и другие.

В заключение было прочитано три неопубликованных рассказа В. Арсеньева.

ПИСАТЕЛИ-ДЕПУТАТЫ

С большим под'емом прошли выборы в областные, городские и районные Советы депутатов трудящихся в братских республиках Советского Союза.

Шесть писателей избрано в местные Советы депутатов трудящихся Армении. Депутатами Ереванского городского совета избраны ответственный секретарь Союза писателей Армении прозаик А. Сирас, поэт-репатриант из Ирана Ованес Укасян, поэт-репатриант из Греции Ваган Тагесян.

Депутатами районных советов Еревана избраны переводчица А. Тадеусян, поэтесса Р. Погосян. Молодой прозаик А. Овсепян избран депутатом Ленинаканского горсовета.

В Эстонской ССР в Таллинский городской совет избраны писатели Эд. Пялль, А. Якобсон, П. Руммо, Р. Парвэ, О. Томминг и Э. Хиир.

Трудящиеся Туркмении избрали депутатами в местные советы писателей Халдурды Дурдыева, Базара Аманова, Ата Каушутова и народного шахира Ата Салиха.

Индюк на приеме у Гарри Трумэна

Перед нами фотография, не лишенная грациозности и интереса. Президент США Гарри Трумэн и его друзья — министр сельского хозяйства Андерсон, директор «Национальной федерации по разведению индеек» Тревер Джонс и президент той же птичьей федерации Альберт Матлэк предаются невинным развлечениям. Их превосходительства спаивают индюка, вероятно, с целью выяснения его лойяльности. Или, быть может, фотограф запечатлел сакраментальный момент постановки научного опыта? Но, судя по выражению лиц престарелых натуралистов, они просто забавляются.

Впрочем, пьяный индюк вполне доволен своей компанией.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

◇ **Альбом «А. Островский в портретах и иллюстрациях»** готовит Учпедгиз к 125-летию со дня рождения А. Н. Островского.

Особый раздел альбома посвящен выдающимся актерам, игравшим в пьесах Островского.

◇ **Радиоальманах,** посвященный жизни советского Севера, начал регулярно выпускать Мурманский областной радиокомитет. В работе альманаха принимают участие писатели Заполярья: А. Игумнов, С. Демин, Г. Червов, А. Гунин, Н. Кулаков, И. Попов, А. Шевцов, Н. Букин и другие.

◇ **Выставка произведений В. И. Сурикова,** находящихся в частных коллекциях — преимущественно у дочери великого русского художника О. В. Кончаловской, — открылась в выставочном зале Союза советских художников. В зале экспонировано до 180 произведений — живопись, акварель и рисунки. Большинство из них — этюды к большим историческим картинам Сурикова.

◇ **Лучшие художественные произведения для детей** получили премии на конкурсе, организованном Союзом советских писателей, Министерством просвещения и обкомом комсомола Марийской АССР.

Премия в размере 4.000 рублей присуждена поэту Николаю Казакову за поэму «Мы были в Москве». Поощрительной премии по 1.500 рублей каждая удостоены четыре произведения.

◇ **Выставка картин** знаменитого армянского художника Седрака Аракеляна откроется 8 февраля в Доме культуры Армянской ССР в Москве. На ней будет представлено около 80 работ покойного живописца, характеризующих весь его творческий путь.

Большинство картин поступит на выставку из Музея изобразительных искусств Армянской ССР (Ереван). Ряд картин предоставят Музей восточных культур в Москве и Государственная Третьяковская галлерея.

◇ **50-летие творческой деятельности** поэта-рабочего И. А. Назарова отметила литературная общественность гор. Суздаля.

И. Назаров — автор 10 книг. В скором времени выйдут в Суздале сборник избранных его произведений и книга воспоминаний.

Звезда над „Соколом"

Из дневника бригады писателей

Когда мы приехали на Сокольский бумажный комбинат имени В. В. Куйбышева, звезда на башне не горела. Это означало, что комбинат не выполняет плана. Попытки найти виновников плохой работы оказались безрезультатными. Бумажные машины стояли из-за отсутствия целлюлозы, целлюлозный завод комбината простаивал из-за того, что ТЭЦ не давала пара, ТЭЦ срывала работу потому, что лесной отдел не снабжал ее топливом, а лесной отдел жаловался на ТЭЦ. Бушевала неудержимая стихия об'ективных причин. Какой-то заколдованный круг!

Мы пошли в цехи и отделы, познакомились с людьми комбината. И постепенно из отдельных эпизодов начала складываться общая картина.

Девушка с топором

В рольном отделе у чана, где составляется бумажная масса, стоит работница и... старательно раздирает руками взлик мороженой целлюлозы. Из этого чана масса сама потечет на сетку бумажной машины и со скоростью 150 метров в минуту будет наматываться на вал уже в виде тонкой, гладкой белой бумаги. Но почему же совершенный конвейерный процесс начинается допотопным образом?

На наш недоуменный вопрос директор комбината П. Масюк возмущенно ответил:

— Это безобразие! Я давным-давно дал указание обеспечить рольщиц топорами...

Вскоре мы убедились в том, что и рубка мороженой целлюлозы топором также не является апофеозом техники.

Станок Кондратьева

Идет совещание партийно-производственного актива. Выступают командиры производства. Толкуя о виновниках невыполнения планов, они густо уснащают свою речь местоимениями: «он», «она», «они» и изредка «оно» (здесь имеется в виду министерство). Такие местоимения, как «я», «мы», в речах не фигурируют.

Но вот слово берет молодой сменный мастер Михаил Никешичев. Он напоминает, что давным-давно на комбинате был изобретен специальный станок для рубки мороженой целлюлозы. Создатель этого станка техник П. Кондратьев по сей день работает на комбинате, но станка нет: его попросту растаскали по деталям, когда Кондратьев был на фронте.

— Очень хороший был станок. Кондратьевские станки и сейчас работают на других комбинатах. Почему же у нас забыли о станке Кондратьева? — говорит Никешичев.

Тут же выясняется, что не только станок Кондратьева может избавить комбинат от кустарщины. Еще месяц назад рационализаторское предложение по размораживанию и переработке целлюлозы внесли тот же М. Никешичев и мастер А. Осипов.

Впоследствии нам довелось увидеть их предложение в действии: сто валиков за один час. «Девушка с топором» ушла в небытие. Но понадобилось специальное выступление нашей газеты, чтобы это ценное предложение начали, наконец, внедрять в жизнь.

Балансовый двор

Когда снегом заносит узкоколейку, то через полчаса останавливаются бумажные машины. Между тем, было время, когда производство не зависело от метелей и вьюг. На самом комбинате был создан балансовый двор, на котором не переводился месячный запас сырья. А сейчас нет даже получасового запаса. Двор превращен в свалку.

Если бы кто-нибудь взялся производить «археологические раскопки» на балансовом дворе, обнаружилось бы по меньшей мере шестнадцать слоев грязи, коры, опилок и мусора. За последние годы на комбинате имени В. В. Куйбышева сменились 16 директоров и каждый из них, уходя отсюда, оставлял на память свое наследие, вернее — «наслоение».

Сейчас на комбинате семнадцатый директор — П. Масюк. За год своего пребывания на «Соколе» он еще и не подумал о расчистке балансового двора. Ему кажется более легким ежедневно расчищать пути, чем раз и навсегда расчистить балансовый двор. Под снегом станки, на складе — ржавеющее ценное оборудование. Но все это мало беспокоит нынешнего директора, ибо это, мол, прошлые грехи — «наслоения», оставшиеся от его шестнадцати предшественников...

Он с ними не знаком...

Однажды вечером собрались старые кадровые рабочие комбината — мастера, оберсеточники, кислотчики, варщики. Многие из них проработали по 35—40 лет в Соколе на комбинате, которому в этом году исполнится полвека.

Нам хотелось выяснить все тот же вопрос — что нужно сделать, чтобы вывести комбинат из прорыва, вернуть ему былую славу? Разговор пошел сердечный, хороший. Немало правдивых слов услышали директор и главный инженер комбината.

Но начался этот вечер так, как не следовало бы ему начинаться. Встал из-за стола секретарь парткома Д. Беляев, встал, чтобы представить нам старших товарищей по работе, многие из которых — коммунисты.

— Вот сидит один из наших славных ветеранов, — сказал тов. Беляев, — это любимый всеми нами Сватков Петр Иванович...

— Иван Андреевич, — поправил секретаря кто-то из присутствующих.

— Он работает на комбинате уже 25 лет, — не смутившись продолжал тов. Беляев.

Но тут вмешался уже сам Сватков, смущенно прибавив:

— Тридцать семь, тридцать семь лет, товарищ секретарь.

Всем стало неловко и обидно. А дальше выяснилось, что соседа Сваткова — Ивана Николаевича Вьюшина, проработавшего на комбинате 25 лет, — тов. Беляев не знает даже по фамилии. Не мог назвать он и старую работницу, — к тому же свою однофамилицу — Марию Васильевну Беляеву. А ведь она, кроме всего прочего, несет серьезную партийную нагрузку: редактор лучшей цеховой стенгазеты комбината.

Как же все это могло случиться? Может быть, тов. Беляев человек новый на комбинате? Оказывается, нет — он много лет работает в «Соколе» и именно на партийной работе.

Не только фамилий старых рабочих не знает секретарь парткома. Когда на комбинате из-за поломки несложного конвейера-щепогона остановились бумажные машины, один из членов нашей бригады обратился к Беляеву с вопросом: «Почему вышел из строя щепогон, кто в этом виноват?» Тов. Беляев очень спокойно ответил: «Не знаю».

Три или четыре часа простоя его не взволновали, не заставили поинтересоваться, в чем дело.

После всего этого мы перестали беспокоить тов. Беляева вопросами о жизни комбината.

Разговор с комсомольцами

Был у нас с молодежью комбината разговор по душам. После первых выступлений стало ясно, что комсомольцами никто не руководит. А немало замечательных стахановцев среди молодежи! Борис Митюлев — зачинатель движения за большие скорости бумажных машин, Шура Соловьева, Валя Волкова — отличные сеточницы, Галина Гудкова — лучшая рольщица, Николай Запанков — токарь, выполнивший в 1947 году две годовые нормы, а также десятки других. Но когда комсомольцы бумажного отдела обратились к руководителям комбината с просьбой создать комсомольско-молодежную смену, которая пошла бы в авангарде производства, эта ценная инициатива на месяц застряла где-то в административных дебрях.

Начинается разговор о культуре... В клубе комбината танцы под духовой оркестр заменяют и лекции, и читательские конференции, и лыжные вылазки. Библиотека художественной литературы на комбинате насчитывает... 200 книг. Спортзал клуба — единственный в городе — второй год занят под общежитие. Много справедливых упреков было высказано по адресу дирекции, парткома и фабкома комбината.

Выслушав все эти жалобы, мы вправе задать вопрос секретарю горкома комсомола тов. Соловьеву: «Почему вас, тов. Соловьев, не беспокоит судьба сотен молодых производственников, предоставленных самим себе?»

Аналогичный вопрос следует задать и руководителям Вологодского обкома ВЛКСМ. Ведь от Сокола до Вологды не так уж далеко: по железной дороге всего пятьдесят минут езды.

На комбинате имени В. В. Куйбышева в течение года сменилось три секретаря комитета комсомола. Но, пожалуй, менять здесь нужно не секретарей. Надо изменить стиль работы.

Наши друзья

Наша бригада пробыла на комбинате имени В. В. Куйбышева один месяц. Мы нашли там много друзей, видели много нового.

Мы выпустили на комбинате, совместно с редакцией областной газеты «Красный Север», десять номеров листовки «Больше бумаги Родине!». К нам шли стахановцы, рационализаторы — мечтатели в ватниках, мастера в гимнастерках без погон. Стахановка Мария Васильевна Беляева, о которой речь шла выше, — простая русская женщина, принесла нам небольшую статью. С исключительной простотой и ясностью построила старая работница свое выступление. Причины неполадок она сгруппировала, разобрала, как говорят, по косточкам, затем перечислила условия, необходимые для производственной победы.

Метельной январской ночью сани уносили нас из города Сокола на станцию. На водонапорной башне ярко сияла красная звезда — суточный план был выполнен!

Мы почувствовали, что эту звезду зажигали вместе с рабочими и инженерами и мы. И думалось еще вот о чем: трудно, очень трудно дается каждый процент выполнения плана выпуска бумаги. Прежде чем появиться на нашем письменном столе или в печатном цехе типографии, бумага проходит долгий путь, сопряженный с великими трудностями и заботами тысяч людей. И когда наносишь слово на бумагу, нужно помнить о мастерах, которые эту бумагу делали, — ведь мастера эти помнят и думают о нас, работают для нас.

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты»
Е. ДОЛМАТОВСКИЙ, Б. ЛАСКИН, Л. ОШАНИН, Я. САШИН, Ц. СОЛОДАРЬ, А. НАТОЛЬСКИЙ.
Комбинат имени В. В. Куйбышева, г. Сокол, Вологодской области.

Узбекистан и Туркменистан готовятся к юбилею В. Г. Белинского

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.) В столице Узбекистана развернулась подготовка к столетию со дня смерти В. Г. Белинского. В этом году его произведения впервые издаются на узбекском языке. Сборник избранных сочинений великого русского критика, выпускаемый Узгосиздатом, открывается статьей о жизни и творчестве В. Г. Белинского. Книга выходит под редакцией М. Айбека и М. Шейх-Задэ.

В Государственной Публичной библиотеке им. Алишера Навои и в других библиотеках Ташкента организуются выставки, иллюстрирующие путь гениального мыслителя и его влияние на развитие русской литературы.

* * *

АШХАБАД. (От наш. корр.) Для подготовки и проведения юбилея В. Г. Белинского в Туркменистане Совет Министров ТССР учредил юбилейный комитет, в состав которого вошли туркменские ученые, писатели, руководящие партийные и советские работники республики.

Состоялось первое заседание Республиканского юбилейного комитета.

Принято решение провести в июне в Ашхабаде и в областных центрах Мары, Чарджоу, Красноводске и Ташаузе торжественные заседания, посвященные памяти В. Г. Белинского. В аульных и городских школах, клубах, библиотеках и домах культуры организуются литературные вечера, беседы о жизни и творчестве великого русского критика.

Литературный журнал Союза писателей Туркменистана «Совет Эдебияты» в очередных номерах и в июньской книге дает ряд статей Белинского на туркменском языке, биографические материалы, статьи о значении творчества Белинского для нашего времени. Сборник переводов избранных произведений критика об'емом в 8 печатных листов выпустит к юбилею Туркменгосиздат. В сборник войдут: статьи о Пушкине, «Взгляд на русскую литературу» (1847 г.), письмо Белинского к Гоголю и др.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: А. БАУЛИН, В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01110